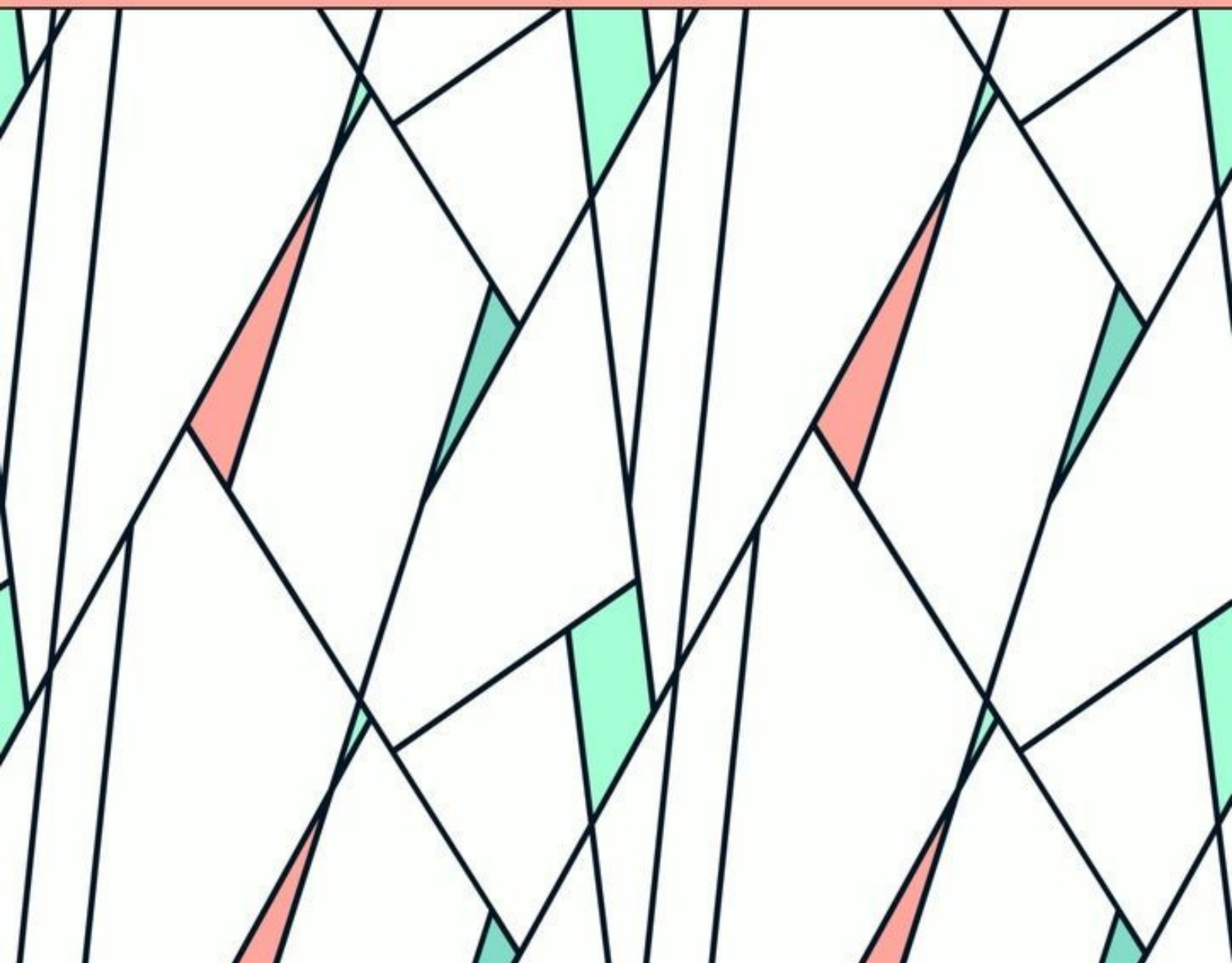

18+ Алексей Леснянский

Дежурные по стране

Алексей Леснянский
Дежурные по стране

«Издательские решения»

Леснянский А.

Дежурные по стране / А. Леснянский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749281-6

Роман «Дежурные по стране» рассказывает о студенческом тайном обществе, пытающемся изменить ситуацию в России не революционным, а эволюционным путём. Главные герои направляются в разные места (один — к скинхедам, второй — в деревню, третий — к проституткам, четвёртый — в детдом, пятый — в молодёжный парламент, шестой — в квартал нищеты), чтобы на людей посмотреть и себя показать, научиться работать в одиночку и пополнить ряды общества новыми членами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749281-6

© Леснянский А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	37
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дежурные по стране

Алексей Леснянский

И неужели сие мечта, чтобы под конец человек находил свои радости лишь в подвигах просвещения и милосердия, а не в радостях жестоких, как ныне, – в объедеши, блуде, чванстве, хвастовстве и завистливом превъиении одного другим?

Твёрдо верую, что нет и что время близко...

И сколько же было идей на земле, в истории человеческой, которые даже за десять лет немислимы были и которые вдруг появлялись, когда приходил для них таинственный срок их, и проносились по всей земле?

Д о с т о е в с к и й, Братья Карамазовы

© Алексей Леснянский, 2017

ISBN 978-5-4474-9281-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Эти интересные события произошли в одном сибирском городе. Претендовать на пафосное звание мегаполиса он не стремился, а на ярлык «села городского типа», который ему приклеивали приезжие мастодонты из столицы, обижался. Надо сказать, что жителей в нём проживало несметное количество, но только если кому вдруг придёт в голову шальная идея спрятаться от правосудия в одном из микрорайонов, то об этом через два с половиной часа уже знают все дворники наперечёт, а через три и всё остальное население: от градоначальника Николая Гербертовича Горностаева до бродячих котов, жадных в отношении молочно-кефирных рек и мартовского прелюбодеяния.

Автора так и подмывает назвать точное число жителей города, и он, пожалуй, сделает это, иначе к концу произведения его окончательно подмоет и унесёт в Мировой океан. Так вот, если взять жителей Москвы без обитателей северо-западного округа на пару с теми, кто в отчаянном порыве штурмует столицу в поисках работы и успеха, и разделить эту цифру на сорок лет, проведённых Моисеем с евреями в пустыне, чтобы из египетских рабов превратить их в свободных людей, – то получится единица, за которой гордо шествуют пять голопузых нулей.

Особых достопримечательностей в городе не было, если не считать драматического театра с провинциальной труппой и краеведческого музея, где томила за стёклами суровая флора и скалила зубы таёжная и степная фауна. Зато высших учебных заведений в городишке было хоть отбавляй. В постперестроечную эру они росли, как грибы после обильного дождичка, стремясь подтянуть население в экономическом и юридическом плане. Институтов обозначенного профиля развелось так много, что стали они ютиться в бывших общежитиях и оккупировать детские сады – благо, что дети перестали рождаться.

В городе было три рынка: один – центральный, другой – так себе, третий был заблокирован нашими желтолицыми крошечными товарищами по утопленному в Лете, но ещё не до конца захлебнувшемуся соцлагерю. Громадные цеха тяжеломерно-серого мясокомбината громоздились в затхлом воздухе на улице Пушкина, и зданием в стиле «модерн» непременно бы гордились жители, если бы перепало от его величия в консервные банки побольше мясных прожилок, а бледный жир, от которого заплывали металлические стенки, куда-нибудь бы исчез во веки веков. Пивоваренный завод, расположенный по улице Советской, был выкрашен в таинственный бордовый цвет, что никак не отражалось на качестве пива в холодный осенне-зимний период, а летом и весной, когда глотку сушит палящее солнце, как говорится, не до суждений о вкусовых качествах прохладительных напитков – лишь бы кое-как утолить жажду. Если бы автор отведал сметанки, произведённой «Маслосыркомбинатом», то нашёл бы её превосходной, потому что жирность в данном продукте ему претит, но о ней напоминала лишь надпись на этикетке, которую читают редко.

Ещё в городишке был зоопарк. Его следовало бы отнести к достопримечательностям, но пожалеем верблюдов и медведей, знакомых с голодом.

На этом язвительное повествование, кстати и некстати пересыпанное гиперболами, на какое-то время прекращается, и начинается серьёзный рассказ о тех, кто родился при Брежнев, рос при Горбачёве, а мужал при Ельцине. Они не знали друг друга до 99-ого года, учились в разных школах, имели разные интересы, но судьбе было угодно раз и навсегда соединить их в маленькой беседке у стен заштатного института за четыре месяца до того момента, как по всей планете в трескучем морозном воздухе под завывания декабрьской вьюги закружатся в танце снежные хлопья миллениума.

Когда закончилась первая в их жизни пара по высшей математике, они вперёд всех сбегали вниз и заняли уютную беседку, залитую уставшим осенним солнцем. Они быстро познакомились и стали наперебой делиться друг с другом первыми впечатлениями о вузе, в котором

им дальше предстояло учиться долгих пять лет. После десятиминутной беседы выяснилось, что пока все без исключения метят на красный диплом, а дальше будет видно, потому что студенчество, как резонно заметил один из них, – это не только учёба. Они и не подозревали о том, что им вместе предстоит пройти. Им казалось, что пироги успеха с ватрушками счастья планируют в воздухе и надо только во время зевка не прикрывать рот ладонью, и в него обязательно залетит настоящая любовь или ещё какая-нибудь штука, поперхнуться которой было бы так здорово. Заманчивые перспективы на будущее роились в их головах, и они не позволяли себе даже сомневаться в том, что у них всё получится, так как все шестеро имели крепкие тылы в лице своих отцов – бизнесменов средней и выше средней руки.

Пришло время познакомиться с ними поподробнее. Женоподобного парня, который беспрерывно сыпал утончёнными остротами, звали Артёмом Бочкарёвым. Он был высок, красив, широк в плечах и узок в талии – словом, из тех парней, от коих хрустальным звоном дребезжат сердечки глупеньких девчонок. Однако любовные признания задолго до поступления в институт ему до того надоели, что он стал намеренно уродовать свою внешность ультрамодными причёсками и броской одеждой, отчего стал ещё более притягательным, и стайки недалёких красавиц продолжали лететь на свечу, в безжалостном пламени которой неизменно сгорали. Когда в отношении слабого пола его душа уже окончательно, но ещё не совсем бесповоротно окаменела, Артём почти перестал обращать на них внимание и общался с ними, как с неизбежным злом. Чтобы заполнить возникший в сердце вакуум, который по издревле сложившимся традициям заполняют хрупкие создания, он переключился на автомобили. Да, чуть не забыл. Всё-таки были у нашего автолюбителя четыре постоянных женщины. Артёма часто видели под ручку с госпожой Безответственностью. Легкомыслие, подобно доброй матери, целовало его перед сном. А миссис Ветреность не без оснований ревновала его к Непостоянству. Его называли душой компании, потому что на вечеринках он беспрерывно жонглировал безобидными остротами и никогда не пьянел. Артём мог поддержать любой разговор. Все темы Вселенной он знал на два процента, а на остальные девяносто восемь бессовестно домысливал, за что на него никто не обижался.

От толстого парня, подсевшего к Артёму, веяло ядрёной харизмой. Ясно, что ему не следовало даже открывать рот, чтобы вызвать к своей персоне глубокое уважение и даже боязнь. Но он заговорил, и ореол недосыгаемости мгновенно улетучился. Яша Магуров оказался добродушным парнем, чем сразу же завоевал симпатии парней, сидевших в беседке. Его обаяние не знало пределов. Он мастерски сплетал кружевные улыбки и мог за пару секунд убедить даже незнакомого ему человека, что тот приходится ему, как минимум, двоюродным братом. Если всем нам светит солнце, то Яше светила полуночная звезда его пращур Давида, который, как известно, не только метал камни во всяких Голиафов, но и завещал своим детям, внукам и правнукам быть загадочными, уступчивыми и плутоватыми, чтобы кроме банка они уже ничего не метали. Магурова любили люди, и за это он платил им тем же, но при этом никогда не забывал брать сдачу, потому что сбалансированность в отношениях ценил превыше всего. Чтобы расшевелить еле тлеющие угли в его сердце, требовалось большое человеческое терпение или, на худой конец, банальный отрезок женской ножки от того места, где заканчивается голенище сапожка и до самых, как говорится, до окраин. Бесспорным плюсом Якова было то, что его добрая душа, – очень шедшая обрюзгшему телу, – всячески упиралась делению женщин на красивых и не очень, на что горделивым первым было почти глубоко наплевать, а обделённым вторым хотелось петь от близости человека, умевшего даже бесформенную талию обозвать несравненным футуризмом. На тот же самый манер, с каким строгие родители отвешивают подзатыльники непослушным детям, Яша отвешивал комплименты, а потом зажимал девушку в углу и закладывал дамские уши прекрасной чепухой, что, в конце концов, приводило или к постели, или к звонкой пощёчине.

Перейдём к Васе Молотобойцеву. Его грубоватые черты лица, неуклюжая походка и твердолобая прямота делали его похожим на простого мужика. Его раскатистый бас, казалось, рубил дрова, закидывая словесными щепками уши собеседников. Иногда на Василия находили периоды несносной правильности, когда он в грубой форме делал замечания всем подряд, упрекал людей в том, что они его не понимают, а потом на две недели запирался в своей комнате, пытаясь понять, в каком таком месте пускает свои корни Вселенское зло. В такие дни добровольного затворничества он также сочинял героические песни песней, мысленно спасал Мир, а затем, настроив душу на минорный лад, тренькал на гитаре о несчастной любви, о расплодившихся повсюду крысах и бомжах, о бедном и непонятом людьми плотнике по имени Христос и о том, как однажды к нему в дом ввалится обездоленный народ со словами: «Иди, Васёк, отстраивать Россию». Частенько на старой гитаре от его чувственных пальцев с восторгом рвались струны, что, однако, никак не могло ему помешать допеть очередную песню до конца уже безо всякого инструментального сопровождения, только мешающего хорошему голосу. Какие бы возвышенные чувства не обуревали Васю за время двухнедельного отрешения от павшего Мира, он помнил о завтраке, обедал даже плотнее обычного, а ужинал аж два раза, убедив себя в том, что на сытый желудок совершить подвиг гораздо легче. Сосание под ложечкой и надоедливое бурчание в животе, думалось парню, не должны отвлекать его от дела спасения голодных и рабов, если вдруг представится такой случай. И только, надо отметить, вследствие такой убеждённости он, боясь разбудить домочадцев, по-воровски крадся к холодильнику ночью и, словно Мамай, не оставлял там пищи на пища. После поглощения всяческого сервиллада, слоёных пирогов и ноздреватого швейцарского сыра Василий возвращался в свою комнату, ложился в кровать, минуты полторы размышлял о суете сует и тщете всего сущего, а затем забывался в крепком сне, будучи в котором ежесекундно пушечно всхрапывал, вероятно, от боли в сердце за всех и вся.

Низкорослый белоголовый живчик Вовка Женечкин был из той породы людей, которые и в двадцать, и в тридцать, и в шестьдесят лет остаются Вовками. Трогательно наивный, по-детски непосредственный, он любил подражать звукам милицейских сирен, животных, сливных бачков и стекающего по крышам дождя. Его младенческая душа давно настроила великое множество параллельных миров, где он был безраздельным хозяином. Когда Вовка говорил, то в обычную земную речь постоянно перетаскивались странные образы и идеи. Его отвлечённое мироощущение привело к тому, что парня перестали воспринимать по причине инопланетного поведения, но любить – любили. Даже закоренелая сволочь считала святотатством обмануть мальчишескую доверчивость Вовки. Правда, и игнорировать его все без исключения тоже считали первейшей обязанностью. Он в совершенстве владел языком телодвижений, орудовал мимикой, как Чарли Чаплин, входил в образ с той же лёгкостью, с какой десятки тысяч людей ежедневно входят в московское метро, а любой герой, от имени которого произносил речи Вовка, казался настолько живым и реальным, словно сошёл со страниц произведения.

Алексей Левандовский был высок, пылок, сухопар и порывист. Его пронизательный взгляд либо колол, либо резал, либо жалел, а мысль не знала покоя. Мятежник по духу, весельчак и неплохой оратор, он боялся проторенных троп, спокойного течения жизни и ненавидел фальшь. Алексей привык строго спрашивать с людей и требовал от них такого же отношения к себе. За ним не было замечено больших недостатков, но из мелких не составило бы никакого труда выложить вторую Великую Китайскую Стену. Его философия сводилась к тому, что в Мире существует только три цвета: бесчинствует превалирующий чёрный, корчится в агонии белый и, словно маятник, качается от одного лагеря к другому жестокий, справедливый и победоносный красный, принимая во мгле оттенки бордового, а на свету – безобидно-оппозиционного алого. Он пьянел от звуков барабанов и горнов. Пороховая гарь над полем кровавых сражений представлялась ему самым лучшим запахом на свете. Во сне он приступом брал Бастилию, оборачивал вспять отступающие дивизии, дрался на баррикадах, тонул вместе

с «Варягом», переходил с Суворовым через Альпы, водружал над Рейхстагом изрешечённое пулями знамя и сидел в острогах за правду... В общем, мечтал.

Леонид Волоколамов был самым старшим среди своих новых знакомых. Накануне поступления в институт ему исполнилось двадцать лет. По внешности он напоминал голодного волка, который не видел добычи уже несколько дней, а потому сильно похудел, уже утратил веру в быстроту ног, но ещё не разочаровался в качествах своего ума. Его поступки носили излишне рациональный характер. Он с математической точностью просчитывал развитие любой ситуации, а выдвинутые им гипотезы, казалось, должны были стать аксиомами для людей, занимающихся прогнозами на будущее... Но он ошибался, ошибался жестоко и часто, потому как забывал, что живёт в непредсказуемой России, где даром провидца обладают только юродивые и святые. Об этой непреложной истине он догадывался, но перестроить свои взаимоотношения с людьми, подстроиться под окружающую действительность не мог, так как жил умом, а не сердцем. В какой бы компании ни оказывался Леонид, он быстро восстанавливал людей против себя, несмотря на то, что был интеллигентным и старался взвешивать каждое своё слово. Определённо можно сказать, что Лёня представлял собой парня, замечательного во всех отношениях, ... но чужого. А чужаков, имеющих неосторожность разговаривать на русском языке без акцента (впрочем, как и с акцентом), у нас недолюбливают.

Ребята, представленные читателю, по уму, образованности и развитию обгоняли своих сверстников на несколько лет, но заметим, что их аттестаты о среднем образовании пестрели тройками. Дабы не прослыть ботаниками, они никогда не обострялись на оценках, а знания, которые они впитывали как губка, были им нужны только для того, чтобы получить ответы на интересующие их вопросы, а также главенствовать в компании ровесников.

Скоро им предстояло шаг за шагом пройти шёлковый путь от ветреного школьника, падкого на всякую мерзость и несущественную ерунду, до – не стоит бояться этого словосочетания – настоящего гражданина. Предвосхищая события, скажем, что однажды молодые ребята запасутся терпением, резиновыми сапогами и начнут без усталости маршировать по бескрайним просторам государства в поисках одинокой повозки по имени Россия. Отыскав её, они займут вакантное место ломовой лошади и попробуют сдвинуть все четыре чёртовых колеса с мёртвой точки.

А если ничего не получится сдвинуть (ведь и такая может случиться оказия), то, – будем надеяться, – никуда больше не пойдут, но останутся, при разгрузке ненужного хлама надорвутся, а потом займут круговую оборону и хотя бы попытаются сохранить то добро, которое было накоплено предыдущими поколениями...

Глава 2

Пока заметно одряхлевшее второе тысячелетие писало завещание по передаче долгов и наследия третьему, институт в городе N только намеревался отпраздновать пятилетие. По меркам человеческих представлений ему следовало зваться не иначе, как Антошкой, уплетать за обе щеки манную кашу, заниматься раскрашиванием картинок в подготовительной группе детского сада, ковыряться в носу в свободное от отдыха время и только начинать штудировать по букварю «азы» и «буки». Ан нет. С момента своего основания новорождённое дитя решило нагло миновать все известные нам стадии развития и становления личности, заставив величать себя ни больше, ни меньше – Антоном Сигизмундовичем. Что ж – в этом нет большой беды, потому как конкуренция среди вузов большая, и патриархи образовательных услуг так и норовят совершить «избиение младенцев», словно какие-нибудь жестокосердные правители времён нулевого года нашей эры.

Не пришитые к делу и не ужившиеся в других образовательных учреждениях кандидаты и кандидаты в кандидаты наук бросились устраиваться на работу в новоиспечённое детище постперестроечной эпохи. А оно, не растерявшись, приняло всех с распростёртыми объятьями и в дальнейшем пожалело только о том, что назначило людям высокую зарплату, тогда как на первых порах можно было обойтись не просто нищенским, а вообще никаким вознаграждением за труд. Для молодого института, который по воле времени планировал заняться подготовкой экономических кадров, всё складывалось как нельзя лучше. Преподаватели рвались в бой, ректор не жалел денег на приобретение книг и учебников лучших отечественных и зарубежных авторов, три аудитории были оснащены компьютерами.

Кирпичное здание в пять этажей, некогда являвшееся общежитием для студентов, учившихся в ГПТУ-57, формально приобрело статус института, но от этого быть общагой отнюдь не перестало. Можно переделать жилые комнаты под аудитории, избавиться полы и стены от виноводочного запаха, но вытравить дух вольницы из потолков не сумеют никакие евроремонты. Так и произошло.

Анархия, – которой грезил, но так и не добился батька Махно, – продержалась в вузе целый год. Слова «перемена», «порядок» и «дисциплина» были вычеркнуты из студенческого лексикона и забыты, как страшный сон. В первые же месяцы после своего рождения Антон Сигизмундович подарил городу сотни легенд о нестандартных методах обучения, которые заключались в том, что преподаватели не просто проводили пары, а будоражили мысль студентов, сталкивали лбами мнения, терзали неопытные умы новыми идеями и разработками, распалили воображение, травили сильных ребят, доводили до кипения слабых и сжигали на эфемерных кострах инквизиции тех подопечных, которые выказывали равнодушие к предмету. Молодые люди не шли в институт, они бежали туда сломя голову. Бешеный ритм, в который были вовлечены вчерашние выпускники школ, за короткий срок подавил растерянность ребят, неуверенным шагом вступивших во взрослую жизнь.

Скучные знания, покоившиеся под толщей непробиваемого льда, совместными усилиями учеников и учителей через лунки свободомыслия вытаскивались на свет, просачивались в студенческие мозги, вырубали глухие леса дремучести и бестолковости, распределялись по полусариям, утрамбовывались в извилинах и переплавлялись в мартеновских печах современности. Ошеломляющие результаты первой аккредитации потрясли скептиков. Молодой институт за глаза окрестили рассадником будущих квалифицированных специалистов, вольтерьянцев и патриотов.

В стенах вуза молодёжь не карабкалась по отвесным скалам в стремлении достичь Олимпа знаний, а свистнула Гермеса и прямо у подножия горы растолковала ему, что его крылья перекочуют к Икару, если многоуважаемая Афина через минуту не сбросит с вер-

шины верёвочную лестницу. Вестник богов был взбешён, когда ему всё-таки вырвали крылья, несмотря на то, что просьба молодых людей была тотчас исполнена. Очнувшись от такой неслыханной дерзости, он крикнул богине Мудрости, чтобы та немедля подняла лестницу на недостижимую высоту. И зря. Студенты обозвали крикуна Герпесом, тюкнули его по голове чем-то навряде эмалированного тазика, связали гордиевым узлом, запихали в мешок из-под картошки, а потом, не забыв прихватить пленника с собой, повисли на верёвках и стали быстро подниматься наверх.

– Эй, Афина, неужели ты не чувствуешь, что груз, который ты втаскиваешь на вершину Олимпа, слишком тяжёл? – завопил очухавшийся Гермес.

– Правду говорят, что шила в мешке не утаишь, – буркнул кто-то из ребят и повторно саданул вестника богов по макушке.

– Гады-ы-ы! – совсем даже по-русски заорала богиня Мудрости. – Сейчас я обрублю лестницу, и через пару секунд вы шмякнитесь на землю на пару с этим олухом Гермесом!

– Куда подевался твой безукоризненный древне-греческий, Афина?! – крикнул кто-то из парней. – Мы не потесним тебя на вершине! Неужели люди и боги Эллады, которые славятся своей демократичностью, столь равнодушны к студентам, желающим всё знать?! Нам нужна вершина Олимпа! Олимпа знаний!

– Знать всё невозможно, недоделок! Знать абсолютно всё имеет право только знать, да простит меня богиня истории Клио за этот каламбур! – прозвучал ответ сверху.

– Да, но многого не зная сейчас, мы уже о многом догадываемся, красавица! – включился в диалог какой-то наглец.

– Похвально, юноша! Но как ты уже мог понять, вас это не спасёт, несчастные потомки великого народа!

– Как, оказывается, наша воительница может красноречиво выражаться! – с деланным восхищением выкрикнула симпатичная студентка. – Последняя фраза была просто великолепно, словно сам старик Сократ водил кончиком твоего языка!

– Зови Зевса! – прорвало кого-то. – Мы желаем видеть главного! Имеем право! Мы желаем!

– Не надо выдавать желаемое за действительное, жалкие человечки! Недавно Верховный принимал в своих покоях Вакха!

– Наверное, сильно устал? – раздались сочувствующие голоса.

– Да, еле ворочает языком! – подтвердила Афина. – Надеюсь, вы в курсе, что олимпийские боги могут беседовать только с равными себе?.. То есть только с богами! Или даже с людьми, но...

– Не стесняйся, женщина-город! Продолжай! – дружно крикнули снизу.

– С людьми, но первыми среди равных... опять же богам! – заключила богиня Мудрости.

– Нам нужны имена этих героев, чтобы послать их к Зевсу в качестве своих представителей! – восторженно выкрикнул какой-то храбрец и, разжав пальцы от счастья, полетел в пропасть.

– Первый готов, не добравшись и до приёмной Знания, – с грустью проводив друга, заметил студент, которых называют «вечными». А потом раздражённо гаркнул: «Мы испытываем информационный сушняк, который надо утолить!.. Имена, Афина! Нам нужны имена!»

– Они, по-моему, не принадлежат вашему кругу! У них нет имён! – испугалась богиня Мудрости, вероятно, забыв, что может дёргать за верёвочки по своему усмотрению. – То есть имя им – Легион!

– Так говорят о тех, кого много! Следовательно, о нас! – раздались дружные крики радости.

– Или чертях! А нам – поделом! – попытожил какой-то студент, осознав, что сила воли ему больше никогда не пригодится, так как в дело вступила сила тяжести.

Надеюсь, что читатель составил приблизительное впечатление о тех настроениях, которые царили в образовательном учреждении на протяжении целого года. В институте не готовили специалистов, словно яичницу на сковородке. Там их творили, как могут творить только талантливые скульпторы, которые в банальной гранитной глыбе видят неизвестного солдата с малюткой-девочкой на руках. Слава об Антоне Сигизмундовиче (будем в дальнейшем называть ВУЗ так, чтобы никого не скомпрометировать) разнеслась по ближайшим городам и весям, несмотря на то, что до первого выпуска было ещё далеко. Маманы и папаны, переживавшие за судьбу своих чад, перестали терзаться сомнениями по поводу выбора учебного заведения. «Какие там Оксфорды! Долой Кембриджи! Пропади всё пропадом, а также Гарварды! Детей – на выкорм к Антону Сигизмундовичу!» – истошно вопили родители. Как и следовало ожидать, неразумное дитя, решив, что оно уже большое и вполне самостоятельное, зазналось и подняло оплату за обучение.

В общем, прокатившись с ветерком на волне популярности, институт сорвал неплохой банк, а потом испортился, как это всегда бывает, когда в воспитательный процесс вмешивается денежный паводок. Финансовые потоки смыли анархию, словно какой-нибудь зловонный эпизод в общественном туалете. Плюс ко всему началась кампания по дискредитации Антона Сигизмундовича, потому что он стал опасен; в местных газетах появились заметки с такими заголовками: «Угомонись, Антошка», «Негосударственный ВУЗ ведёт себя как государственный», «Слишком хорошо – тоже нехорошо», «Не зарывайся Антошка, а то мы тебя по макитре, по макитре» и т. д.

Статую Свободы свергли с пьедестала. Перед входом в учебное заведение воздвигли памятник Диктатуре, в поднятую руку которой вложили полый череп. По прошествии некоторого времени мутная вода спала, и на горизонте высветился островок демократии. Неизведанное чудо показалось из мутной жижи, но потом оказалось, что всем просто показалось. Новый монумент приказал инакомыслию долго жить, и оно умерло.

Институт произвёл зачистки. Неуёмные преподаватели, принесшие вузу честь и славу, были преданы анафеме и уволены. Ректор объяснил этот шаг тем, что молодому учреждению, некогда заложенному на верфях мыса Доброй Надежды, отныне следует плыть по течению, довольствоваться скромной ролью шлюпки, войти в полосу тумана и лечь в дрейф, пока вокруг не улягутся бури негодования со стороны властей и штормы зависти, насылаемые другими вузами. Реакционный курс, взятый на «чёрт знает что – бог видит надолго» привёл к студенческим бунтам, которые были жестоко подавлены на зимней сессии второго года. Двадцать храбрецов выбросили за борт, не дав им даже опомниться и как следует хлопнуть дверью в кают-компанию. Отчисления грозили принять характер поголовных, но часть ребят пожалела заплаченных за учёбу денег и приспособилась к новым условиям, часть успокоилась в надежде на глобальное потепление, ещё часть перебралась в андеграунд, откуда чертыхалась в адрес ректора и его лизоблюдов, попутно вспоминая славные дни, когда позволялось почти всё, но этим никто не пользовался.

Помчались годы. Не будем лукавить перед читателем и скажем, что, несмотря на то, что студенческая вольница была вздёрнута на рее, качество образования в Антоне Сигизмундовиче поддерживалось на нормальном среднем уровне. Никаких там тебе прений, политических баталий, творческих подходов и прочей мишуры, должных зажечь пламенный огонь в сердцах юношей и девушек. Нива образования колосилась обычной рожью, давала низкие стабильные урожаи и убиралась старыми комбайнами. Имея все предпосылки для производства сдобных булочек, печатных пряников, хрустящих вафель и пирогов с сёмгой, институт, однако, решил ограничиться выпуском ржаных лепёшек, зато стандартизированных и сертифицированных. Валовая выпечка штампованных менеджеров высшего и среднего звена, подёрнутых грибковой прозеленью, наверняка бы завершилась тем, что её бы не стали покупать на и без того

переполненном рынке труда, но в дело вмешался его закономерное величество случай, который, словно сюрприз, всегда внезапен, но не всегда понятен.

В августе девяносто восьмого ректора избрали в местный парламент, и на капитанский мостик поднялась красивая женщина средних лет с уставшими глазами побеждённого, но несломленного коммуниста. Взгляды, привитые ей комсомолом в юношеские годы, не стали разменной монетой в эпоху либеральных преобразований. Как честный человек, переживающий за судьбу страны, она не плевалась в адрес реформаторов, а с содроганьем наблюдала за тем, как обогащались её бывшие соратники по партии, сначала пересмотревшие свои политические убеждения, потом – общечеловеческие нормы морали, далее – охотно подпавшие под власть золотого тельца. Она видела, что в ренегатов превратились, конечно, не все, но многие. Младодемократы тоже показали себя не с лучшей стороны, но её не радовали их бесчисленные провалы, потому что в истинном гражданине идеолог никогда не убьёт человека.

Студенты – вот на кого она теперь надеялась, к ним устремлялись все её помыслы, для них она намеревалась пожертвовать многим, так как, будучи хорошим психологом, разглядела то, что многим ещё только предстояло разглядеть...

Глава 3

Старшекурсники, битые жизнью и сессиями, зевали.

Шумное сборище неугомонного племени первокурсников, искрившееся заразительным смехом, гвалтом безудержного веселья, девичьими перешёптываниями под стать шелесту листвы, взорвалось тишиной, когда перед входом в институт появились два молодых человека. Один был одет в чёрный костюм, голубую рубашку, связанную синим галстуком, и широкополую шляпу, глубоко сдвинутую на лоб, вероятно, для того, чтобы лицо оставалось сокрытым от любопытных взглядов. Другой – в ботинки а-ля бульдожья морда, тёмно-зелёные брюки на чёрных подтяжках, рубашку в клеточку и серую кепку, по форме напоминавшую патиссон. В общем, как уже догадался читатель, перед глазами притихших студентов возник типичный банковский клерк и такой же типичный высококвалифицированный рабочий.

Оба парня защитили дипломы в июне девяносто девятого, при этом наш повзрослевший Антон Сигизмундович облегчённо вздохнул, так как, наконец, избавился от двух буянов-подпольщиков и подобных им архаровцев, которые вплоть до самого своего выпуска не переставали баламутить воду в институте с намерением вернуть славный девяносто четвёртый. Неожиданное появление служащего «Сибторгбанка», нашедшего работу по профессии, и бригадира старательской артели, устроившегося на предприятие своего отца, никогда бы не вызвало такую мёртвую тишину, если бы не одно обстоятельство, о коем не забудем упомянуть. То ли несколькими преподавателям, спустившимся покурить на перемене, основательно напекло голову, то ли ещё по какой причине, но они, словно какие-нибудь школьники, срывались с места и, бесцеремонно расталкивая растерявшихся первокурсников, быстрым шагом направлялись к недавним выпускникам. Как потом утверждали очевидцы, некоторые звероподобные кандидаты наук не только крепко пожимали руки молодым людям, но при этом даже не стеснялись нагружать свои гофрированные позвончики лёгким поклоном, а это чего-то да стоило. Весь честной народ, стоявший на улице, за исключением равнодушных представителей старших курсов, начал переглядываться, а некоторые студенты не преминули воспользоваться новым поводом для насмешки и стали в тихушку копировать странное поведение едва знакомых им преподавателей, о чём, к слову сказать, в дальнейшем пожалели.

– Хэ, прямо панибратство какое-то развели, – соорудив на лице гримасу самодовольства, осмелился нарушить молчание рыжеволосый студент из молодых.

– Как думаешь, Семен, – доживёт ли этот зашкаливший борзометр до зимней сессии? – спокойно спросил студент третьего курса Вадим Горчичников у своего товарища.

– Дожить-то доживёт, а вот пережить – не переживёт, – прозвучал ответ.

Но молодой студент, похоже, не собирался успокаиваться:

– Я говорю – панибратство какое-то развели.

Вадим Горчичников протяжно зевнул и со скучающим видом заметил:

– К этому невоспитанному олуху, господа, прошу отныне применять прошедшее время... Родился, вырос, с горем пополам окончил школу, поступил в институт, отчислен... Кстати, Пузырь с Митрохой что-то больно спокойно себя ведут. Помнится, было время, когда зарвавшийся «лимон» огребался и за меньшее.

– Так они теперь это – дипломированные специалисты, – сказал Семён. – Несерьёзно им со всякой полуграмотной шелупонью связываться.

Тем временем Пузырь и Митроха, вдоволь наговорившись со своими теперь уже бывшими преподавателями, зашли в беседку, сели на скамейку, колким взглядом обвели ребят, которых мы на первых страницах представили читателю, и завели такой разговор.

– Не правда ли, Пузырь, что перевёлся ныне студент? Ни петь, ни рисовать, ни на дуде сыграть, – начал Митроха.

– Правда, чистая правда, дружище, – ответил Пузырь, снял шляпу, достал из кармана пиджака папиросы «Беломорканал», закинул ногу на ногу и закурил.

– С прискорбием должен тебе заметить, что и людей-то не осталось, – ехидно заявил Митроха и расплылся в улыбке. – Не люди – гуппёшки аквариумные. Вона – от тополей и то больше проку. Те хоть кислород выделяют.

– Конечно, не хотелось бы выражаться в присутствии достопочтенных «лимонов», но выделительная система человека по-прежнему выдаёт...

– Гнусь. Ты ведь хотел сказать гнусь, Пузырь?

– Ой ли, ой ли, дружище. Вещи давно напрашиваются на то, чтобы мы стали называть их своими именами... Знаешь, на ум почему-то пришла история о нашем с тобой товарище. Надеюсь, в кладовых твоей памяти сохранилась история о Хоботяре?

– Да-а-а, – протянул Митроха. – Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Хоботяре.

– Озвучить ли её, мой друг? Уместно ли сейчас?

– О, да! Самое время, самое время, – утвердительно закивал головой Митроха. – Но только коротко, предельно сжато, иначе лопнешь от напруги, и в подлунном мире станешь одним замечательным человеком меньше.

– Хорошо... Жил Хоботяра, месил Хоботяра, вышибли Хоботяру, но люди не забывают о нём, пример, так сказать, берут... Ну, как?

– Сама лаконичность должна гордиться тобой, а теперь уходим.

У всех шестерых первокурсников, сидевших в беседке, проступили на лице признаки агрессии: у одних – ярко выраженной, у других – еле заметной. Молотобойцев взорвался первым:

– А ну стоять! Вы на кого это тут намекаете?

– А намекают они на то, что я, ты, да и все мы – навозные черви, копошащиеся в вонючем дерьме, – вскипел Левандовский. – Это нетрудно понять из их диалога.

Магуров лениво потянулся, кое-как заставил своё грузное тело оторваться от скамейки, соорудил на своём лице что-то навроде недовольства по поводу всей этой мышшиной возни, подошёл к выходу из беседки и загородил его. Загородить в Яшином случае означало – наглухо замуровать, что он, сам того не подозревая, с успехом и проделал. Не то, что человек – комар терял теперь всякую надежду на проникновение в беседку через живую дверь, которая на уличной стороне стала покрываться испариной.

– Мы ждём ответа, господа, – спокойно заметил Волоколамов. – Я знаю Яшу два часа, но уже успел разглядеть в этом гиганте дикого зверя, не подозревающего о существовании слова «милосердие». Надеюсь, я не ошибся в своём предположении?

– Хотелось бы тебя разочаровать, однокурсник, но вот этими вот руками я действительно могу разорвать льва, – ответила живая дверь.

– А слонов ты случаем не выгуливаешь на поводке? – подключился Бочкарёв.

– В далёком детстве бывало и такое... Так-то я вообще пакостный был. Играл в футбол юпитером, бодался с носорогами, выпивал до доньшка Байкал, дрался с динозаврами, сбивал из рогатки...

– Неужели птеродактелей? – улыбнулся Бочкарёв.

– Нет, космические ракеты. За это мама лупила меня металлической хлопущкой размером с Вселенную, а папа ставил меня...

– На противотанковые ежи, – вырвалось у Бочкарёва.

Пузырь с Митрохой не выказали и тени страха. Дерзкое поведение юнцов провоцировало их на ответные действия, но они понимали, что напросились сами, а «лимоны» просто отстаивали своё достоинство.

– А я никуда не тороплюсь, Митроха, – сказал Пузырь. – Вижу, что ты тоже. Посидим, поговорим с молодёжью. За жизнь поговорим, просветим их в плане того, что было и могло бы

быть. Возможно, они и хорошие ребята. Кто их сейчас разберёт? Они готовились перейти в седьмой класс, когда мы переступили порог этого института. – Голос Пузыря упал. – Мы были полны надежд, – помнишь?

– Да.

– Тогда страна была такой же молодой, как вы сейчас... Мы влюблялись, дарили девушкам цветы, строили планы на будущее. А как мы дружили, – помнишь? Я тебя спрашиваю: помнишь ли ты, как мы дружили?

– Не надо, Пузырь.

– Нет, пусть знают, как мы дружили! Так уже не дружат, чёрт тебя подери, Митроха!

– Замолкни!

– Колю Волнорезова, Димку Брутова, Стёпку Круглова помнишь?

– Заткнись! – побагровев от ярости, бросил Митроха.

– Нас было пятеро, мы зажигали на вечеринках, пили водку, упивались свободой, гуляли до зари, стояли друг за друга, когда кто-нибудь попадал в передрагу... Помнишь?

– Твой язык надо вырвать с корнем! – взревел Митроха. – Заглохни!

– Нас было пятеро. А сейчас сколько? Сколько нас осталось на выходе? Я тебя спрашиваю...

– Двое! – рассвирепев, закричал Митроха. – Ты же сам знаешь, что нас осталось только двое!

– А где ещё трое? Где? Куда подевались ещё три человека? Отвечай.

– В земле, гад!

– А мы на земле, гад! – пригвоздил железный голос Пузыря. – И будь я проклят, если эти молокососы не дослушают меня до конца... Я вижу, что они заёрзали. Им надо бежать на пары, Митроха. Им не терпится поднабраться ума, дружище, а мы тут с тобой нюни разводим. Этим ребятам ничего не грозит. Они попали в хороший институт, в котором, к счастью, осталось достаточно много преподавателей из старой команды. Их всему научат, дружище.

– Ты действительно веришь в это? – вытерев лицо кепкой-патиссоном, отрешённо спросил Митроха.

– Верю, свято верю. А как же не верить-то? Во что же тогда остаётся верить, если не в это?... А помнишь, как Волнорезов играл на гитаре? Наш местный Бродвей оживал, когда он пробегал по струнам. Машины сбавляли ход, чтобы услышать его пронзительно-чистый голос. Люди выходили на балконы при звуках его песен. Под него засыпал и с ним просыпался город. Он управлял человеческим настроением, как добрый моряк парусами, заставлял плакать и смеяться вместе с ним. Он, словно весенний ветер, гнал холод из душ. Коля ни разу не выезжал за пределы города, но казалось, что он побывал везде и перевидал всё – так он пел!

– Я тоже слабую могу, – позволил себе заметить Молотобойцев.

– Слабую и я смогу, парень, – усмехнулся Пузырь. – А так, чтобы земля содрогалась, так, чтобы рождаться с началом песни и умирать на последнем аккорде... И кем их теперь заменить, пацаны? Это, как в футболе. Три кроваво-красные карточки, вскинутые главным судьёй в голубую даль неба, не подрывают командного духа, но силы противников становятся неравными. Яростные атаки без трёх нападающих разбиваются на середине. Трибуны режут и требуют гола, но коллектив, лишённый ключевых игроков, вынужден перейти к обороне и выстраивать стену на подступах к штрафной площади. Защитники уже не помышляют о победе и думают только о том, как избежать поражения. Проходит какое-то время, и ноги футболистов, играющих в меньшинстве, наливаются свинцом. В обороне возникают бреши, голы сыпятся один за другим... Мы не вышли в финал... Нас было пятеро, осталось двое.

– Девяносто пятый год. Три человека отчислены из института за неуспеваемость и призваны в ряды Вооружённых Сил... Гражданская война, – бесстрастно произнёс Митроха.

– Первая чеченская кампания, – осторожно поправил Лёня.

– Когда свои убивают своих на своей территории – это Гражданская война, – злобно процедил Пузырь.

– Там было полно полно наёмников из Прибалтики и арабских государств, эта война не может называться Гражданской, – твёрдо произнёс Левандовский.

– Когда-то «белым» тоже помогали интервенты. Значит, следует говорить о Гражданской, – отрезал Митроха. – Федералы гибли за целостность России, чеченцы – за независимость республики Ичкерия, уроды – за деньги, твари – за ложную ветвь древней и великой религии.

Несколько минут длилось молчание.

– Я так думаю, что всё не так просто, – сказал Бочкарёв. – Правда металась от федералов к сепаратистам долгое время, не зная, к кому примкнуть, но... Но потом стали происходить страшные вещи. В чеченском лагере борцы за свободу слились с наёмниками и ваххабитами, переняли у уродов и тварей антигуманные методы ведения боевых действий, и правда закрепилась за нашими войсками.

– А разве уместно говорить о правде на войне? – удивился Женечкин, до этого не произнесший ни слова. – Люди убивают друг друга, а у них мамы, жёны, дети дома плачут. Давайте лучше яблони сажать, встречать рассветы в горах, любоваться закатом, собирать ромашки в поле. Рыбу тоже удить можно! Весело!

– Откуда ты такой взялся? – с недовольством спросил Митроха, явно намекая на Марс – Первый раз таких странных вижу. Бред какой-то несёшь.

Женечкин чихнул, несколько раз моргнул, а потом серьёзно произнёс:

– Так-то с Краснотуганска, а вообще-то, – Он осёкся, когда увидел устремлённые на него сочувствующие взгляды, поэтому не стал распространяться о том, как в своих грёзах поедал синюю землянику и ночевал в лунном кратере. – Я ведь шучу, а вы и поверили. Пойду на пары, устал я с вами.

– Так тебя никто не держит, – расплылся в улыбке Магуров. – Иди, братишка.

– Я бы с радостью, да не могу. Ваша злоба мне с места сорваться не даёт. Вроде все хорошие люди, а цепляются друг к другу. Дайте уйти, пожалуйста. – Женечкин увидел, что его вновь принимают за сумасшедшего. – Шучу, пацаны. Вот вы и опять поймались... Конечно, могу уйти, но уже передумал. Я ведь непостоянный – поймите! – На лице Вовки неожиданно появился испуг, хотя для появления страха не было никаких предпосылок. – Вы меня, Пузырь и Митроха, простите, что я какую-то фигню сморозил. У меня ведь ветер в голове. Так мама с папой говорят. Мне их всегда жалко, что я у них такой... А за друзей ваших не переживайте. Они достойно погибли.

– Кто дал тебе право рассуждать об этом? – с негодованием спросил Пузырь.

– Да ведь понятно же! – вскрикнул Женечкин и, согнувшись, схватился за сердце...

Глава 4

Июль 95-ого года. Гражданская война.

Уже полгода в республике не затихали бои. В чеченское пекло вводили свежие батальоны, и древние горы Кавказа сотрясались от топота армейских сапог. Танки, бронетранспортёры, боевые машины десанта, пушки и миномёты полосовали израненную землю адской сталью смертельных снарядов, не зная, не желая даже знать, откуда проклюнутся зёрна безжалостных воинов, засеянных на пашне Ареса, фанатично преданных делу убийства, своим полевым командирам и скрытной тактике ведения боевых действий, которую называют партизанской.

Мобильные отряды вооружённых до зубов сепаратистов под покровом ночи спускались с гор, терзали занятые федералами города и аулы, убивали предателей, собирали у информаторов сведения о перемещении вражеских колонн и уходили в своё звериное логово зализывать раны, полученные в непродолжительных стычках с частями российской армии. В этой войне не было передовой, ширококомандных наступлений, фронта и тыла. Здесь правили снайперы, лесные растяжки, фугасы и мины.

Не знал русский солдат, за каким холмом, за каким домом, за какой скалой ухнет предательский выстрел и пробьёт сердце навывлет. Вскрикнет боец, раскинет руки, и навсегда прилетит его к себе мать сыра земля – колыбель рождения и ложе смерти.

Мудрые горы молчали и устало наблюдали за теми, чья жизнь настолько быстротечна, что покой и простое человеческое счастье не успеют стать для многих мерилom могущества племени людей. Свидетели незапамятных времён жалели загнанных на бойню солдат, мирных жителей, но вмешаться не могли, потому что вмешаться – это похоронить всех до единого. Им оставалось только наблюдать, как одни, успев прикоснуться к тайнам мироздания, будут пытаться образумить других, страдать от безуспешности своих попыток и, умирая, уносить с собой Знание.

У незнакомого большинству россиян чеченского посёлка, на безымянной высоте располагался блокпост.

– Отделение, ровняйся! Смир-р-рно! Гвардии младший сержант Волнорезов, выйти из строя! – рявкнул старшина Кашеваров. – Вы чё совсем охренели, мать вашу так! По линии контрразведки до меня дошли сведения, что воины-десантники, подчиняющиеся непосредственно мне, самовольно оставляют рубежи, которые доверила им Родина!

– По какой, по какой линии? – вмешался рядовой Брутов.

– По такой разэтакой, мистер куриный мозжечок! Пожизненный наряд вне очереди, товарищ гвардии дура! Не слышу, солдат!

– Есть!

– После афганской контузии мне заложило уши! Не слышу!

– Есть, товарищ старший прапорщик! – выпалил Брутов.

– Не могу разобрать твоих слов, гвардии ничтожество! Может быть, ты смеёшься над своим командиром?!

– Так точно! – Сдержанные смешки в строю. – То есть – никак нет!

Старшина Кашеваров по прозвищу Кощей был взбешён. Военный до мозга костей, обветренный, как скала, худощавый и подтянутый, со шрамом на правой щеке, он был доволен тем, что подчинённые боятся его как огня. Жена ушла к другому, когда узнала о тяжёлом ранении мужа под Кандагаром в Афганистане. После выхода из госпиталя, в котором он пролежал три месяца, проклиная всех женщин на свете, Кашеваров не скурвился и не спился, но семьёй решил больше не обзаводиться. Его женой стала армия, детьми – солдаты, воспитывать которых, по его мнению, было уже поздно, но перевоспитывать – самое время. Изнеженных слюн-

тяев, которых государство отрывало от мамкиной юбки и на два года передавало ему в руки, он превращал в настоящих мужчин и гордился тем, что после его школы жизни дембеля будут с ненавистью и уважением вспоминать прапора Кашеварова, который отдавал приказ «грызть землю», и все грызли, потому как сапёрной лопаткой для рытья окопов пользуются сосунки из пехоты, а гвардейцы-десантники имеют ротовую полость не для того, чтобы задавать глупые вопросы, а как раз таки для окапывания по периметру».

– Кто осмелился подсыпать пурген в чай своего боевого командира и таким способом хотел сжить его со свету через вонючую диарею? Кто решил, что в дневном рационе солдата должны присутствовать не только консервы, но и козьё молоко, купленное позавчера у местного населения? Хотите, чтобы вам глотки перерезали?.. По чьей наводке, рядовой Брутов?

– Я! – вышел из строя Брутов, преданно глядя в лицо Кощея.

– Что я, недоделок?!

– Это сделал я по наводке ефрейтора Круглова, которого подослал младший сержант Волнорезов, который, увидев, как погибает от недостатка витаминов рядовой Прунько, посоветовался с остальными, и они вместе решили...

– Отделение, ровняйся! Смир-р-р-но! Марш-бросок – на Восток! Конечная цель – остров Сикоку! Задача: добежать до места и принять неравный бой со страной восходящего солнца! Две минуты на сборы! Полная выкладка! Кто посмеет вернуться живым, будет причислен к предателям и расстрелян на месте! Брутов – первый, я – замыкающий! Есть вопросы, сброд?

– Никак нет! – хором ответили бойцы.

Уже четыре часа гвардия бегала вокруг блокпоста, завидуя двум счастливицам, которые несли службу на мосту в ста пятидесяти метрах от места дислокации десантного отделения, потому что максимум, чем они себя там утруждали, так это проверкой документов у проходящего или проезжающего мимо населения.

– Товарищ прапорщик, Япония – это ведь дружественная нам страна! – позволил себе заметить Волнорезов.

– Сегодня – дружественная, а завтра Курилы оттяпать захочет! – рявкнул Кощей, а потом добавил: «А за пререкания с командиром будете переправляться через Тихий океан вплавь. Мы уже как раз приближаемся к воде. Приготовиться принять положение пластуна!

– А жрать мы сегодня будем или нет?! – прокрипел Брутов.

– Когда отечество в опасности, настоящий воин должен забыть о жратве! – крикнул старшина. – Держать темп, оголодавшие девицы.

– Не могу больше! – пробормотал ефрейтор Круглов и упал на земле.

Первая потеря нисколько не расстроила Кощея, и он отдал приказ:

– Убитого взвалить на себя, младший сержант Волнорезов. Негоже бросать свои трупы в чужой земле.

– Есть! Брут, дуй за плащ-палаткой! Не переживай, Круглый! Всё в норме!

Так продолжалось изо дня в день: изматывающие марш-броски, стрельбы, рукопашные бои, конспектирование и обсуждение политической ситуации в стране и мире, чистка оружия, подновление фортификационных сооружений и парко-хозяйственные работы.

Отделение, представленное читателю, без отрыва от места дислокации перебивало во всех горячих точках, где геройски дралось с врагами, рождёнными плодovitой на выдумку башкой Кощея. Антироссийские настроения мнились старшине везде, даже безобидные дикари из амазонской сельвы, оказывается, имели стратегические интересы в отношении наших хвойных богатств для наладки производства по изготовлению деревянных луков и щитов. Что уж говорить о Соединённых Штатах с их ядерным потенциалом и притязаниями на мировое господство; ограниченный контингент Кощея с неограниченными полномочиями с завидной регулярностью терроризировал базы морских пехотинцев неожиданными

манёврами и стрельбой холостыми, клятвенно обещая при случае пальнуть женатыми, если что не так, а сяк.

Всё тот же русский солдат, что и раньше: хитёр, сметлив, расчетлив и храбр. Он, возможно, и слухом не слыхивал о суворовских чудо-богатырях, дружинниках Донского, героях Бородина и защитниках Сталинграда, а за Отечество, как и его предшественники, готов сражаться, живота не жалея. А всё потому, что в каждом бойце Вася Тёркин сидит – человек крепкого мужицкого корня, который до беззлой шутки охоч, на гитаре и гармонике сыграть – мастак, да и, чего греха таить, бабу за голое место ущипнуть и водки попить – тоже большой любитель. А в офицере нашему солдату всё ещё барин видится, перехитрить которого – святое дело. Русская армия – это вам не вышколенные британские королевские войска, а мужицкая артель. На тыловых снабженцев и сознательность штабных генералов наш боец не рассчитывает и желает только, чтобы отвернулся на часок-другой офицер, а там уж сами по себе включаются непонятные механизмы: кто-то куда-то исчезает на время, а потом возвращается, волоча за собой тюки невиданных размеров, в которых есть всё, что душе угодно, и даже немного трюфелей. «Где взяли»? – для проформы задаёт вопрос офицер. Грязное, сытое, довольное и слегка поддатое подразделение глядит орлом, раскаивается в проступке, а по самодовольно-сдержанным ромам солдат видно, что просятся в бой. Ни дать, ни взять: «Окропим землю русскую своею кровью, а врага лютого в пределы Отечества не пустим»... И здесь уже не лукавит боец.

На следующее утро после описанных выше событий чеченскими боевиками было атаковано несколько блокпостов.

Занималась кровавая заря. Огненный диск солнца выступил из-за гор, и тьма, поклонившись ему, попятилась. Заполыхал Восток, и прокажённая Чечня взвыла от новой волны ненависти, к которой никак не могла привыкнуть. Разорённая родными ей людьми, раздавленная горем, поседевшая от навалившихся на неё несчастий, нищая дочь России взывала к благодарности, молила о милосердии, но одни лишь проклятия сыпались ей в ответ. Республику ненавидела вся страна, люто ненавидела, потому что ни одна мать не была теперь уверена, что её сын вернётся домой из армии. Чёрная девка – Чечня, чёрные и ссохшиеся груди её – Горы, грязно-чёрный платок носит она – Грозный.

Негодьям из властного круга нужна была прорва для отмывания денег – и прорва универсальная, чтобы по прошествии многих лет ни другие негодяи, ни честные люди, ни сам чёрт не догадались бы, куда канули народные деньги. Чечня являлась социально-опасным, но беспроектным вариантом. Чем дольше продлится война в республике – тем лучше; чем больше потерь понесут гражданские объекты и армия в живой силе и технике, тем ужасней покажутся россиянам масштабы катастрофы, а значит, те огромные суммы, направленные на восстановление мятежного региона, в дальнейшем будут реабилитированы в глазах общественности. В довершении ко всему Чечня стала превосходным по своей безобразности отвлекающим манёвром; заставить людей забыть о нищете, безысходности, разрухе и навалившихся бедах могли только ещё более страшная нищета, ещё более ужасающая безысходность, планетарная разруха и беды, сравнимые с апокалипсисом. В республике такого адского набора было с избытком, и неунывающие СМИ, присосавшись к смуте, как рыбы-прилипалы к акуле, питались трупами русских солдат, пили слёзы матерей, но делали это статично и сухо, руководствуясь двумя железными инстинктами самосохранения: отвлекать, но не привлекать, освещать, но не просвещать.

Чеченский пастушок, мальчик лет восьми-десяти, понял, что оказался в кольце огня, когда увидел, как неожиданно с разных сторон, рассекая ночную мглу, к блокпосту понеслись пунктирные линии трассеров. Он приник к земле и подумал:

– Кто сегодня на мосту? Наверно, Ваню и Серый. Их очередь, и они уже убиты. А мне надо уходить, потому что стреляют люди Зелимхана, это о них вчера говорил отец. Я не боюсь.

Пусть моя сестра боится, а я – мужчина, джигит. Нет, уходить нельзя. Отец накажет меня за то, что я бросил баранов.

Зашипела рация.

– На связи полевой командир Дзасоев.

– Слушаю, Дзасоев, – ответил старшина.

– Нам нужен мост, командир, чтобы прошли бб-ые. Сдавайтесь, и я пощажу тебя и твоих людей. Если не послушаешь меня, сравняю высоту с землёй, и она станет равниной. Нас – двести человек. На каждого твоего – по двадцать. У тебя минута. И помни, что матерям твоих бойцов не нужны «двухсотые».

– У тебя хорошие связисты и железная логика, Дзасоев, – холодно бросил Кощей. – И ты даже наверняка в курсе, что этой ночью мне было велено заминировать мост. Так вот передай той штабной крысе, которая тебя проинформировала, что, получая приказ, я не дожидаясь утра, а исполняю его немедленно.

– Блефуешь, командир... Я бы знал, – засмеялся Дзасоев.

– Ты меня раскусил. Я в панике. Дрожу, не соврать бы, как осиновый лист на чеченском ветру. Но, как говорится, потрясусь, потрясусь – да и перестану. И совладаю я со страхом, конечно, в тот момент, когда первая машина в колонне сунется на мост. Подобью её, потом укукошу последнюю, а вот середину обещаю не трогать; сама погибнет. Так зловредные духи шутковали с нами в ущельях Афгана, и уроки той войны не прошли для меня даром.

– Где ты воевал? – прозвучал по рации вопрос.

– Под Кандагаром.

– А я – под Баграмом, и нас однажды предали. Вас наверняка тоже не раз предавали, и ты это знаешь. Подмоги не жди. В тридцати километрах отсюда в «зелёнке» – засада, и бэтэры не подойдут к вам. Пощади своих людей. Я даю тебе слово афганца, что в память о тех днях, когда мы воевали под одним флагом, я сохраню жизнь твоим десантникам, если ты поведёшь себя благоразумно и сдашься.

– Хорошо... Я согласен принять твоё предложение с небольшой оговоркой. Мы выйдем с поднятыми руками в том случае, если ты не только никого не тронешь из оставшихся со мной, но и оживишь солдат, которым вы перерезали глотки у моста. Надеюсь, во фляжках твоих людей есть живая и мёртвая вода... А вообще-то я не верю тем, кто преступает присягу.

– Я присягал Союзу! России я никогда не присягал! Так жду ответа от тебя, иначе плохо вам будет.

– Мой ответ – нет! Попробуй взять нас, Дзасоев!

– Жаль. Ты мне нравишься. Тем хуже для тебя. От связи с твоим командованием мои тебя отрубают. Всё. Конец связи.

Боевики обложили блокпост плотным кольцом. Смертельная петля начала затягиваться на шее безымянной высоты. Старшина Кашеваров понял, что он и его бойцы обречены.

– Ничего, сколько-нибудь продержимся, – пробурчал старшина себе под нос, подозревал Брутова и приказал: «Две красные, одну белую!»

Сигнальные ракеты взвились в небо, предупреждая кого следует, что в квадрате 333.746 по улитке два завязался бой.

– Стёпка! Круглов, твою мать! Живой? – крикнул младший сержант Волнорезов своему другу, прижавшись спиной к мешкам с песком и меняя магазин автомата.

– Я-то? А чё мне сбудется? – прозвучал ответ. – Воюем! Чё надо-то?

– Чё, чё! В очо! Пацан там чеченский с баранами! Знаю его! Кажется, Аслан! Справа внизу!

– Да вижу, вижу, Коля! Чё делать-то? Не уходит ведь! Отец ему за баранов башку оторвет-на! Знаю этого горца-на!

– Чё ты накаешь-на? В штаны наложил что ли? Тащи ватман и маркер-на! Мухой!

Круглов метнулся в палатку, где хранился провиант, взял в правом ближнем углу свёрнутый в трубочку ватман, на котором любил рисовать в свободное время, и подбежал к Волнорезову:

– Всё принёс, как ты сказал! Дальше-то чё? Рисовать что ли?

– Стёпа, ну ты баран! Внизу бараны и наверху один! Если бы ты на лекциях поменьше художествами занимался, да побольше за преподами записывал, то наверняка не оказался бы в этом дерьме! Баран! Бараном и подохнешь!

– Взаимно, Коля! Меня – живопись, а тебя семиструнная сюда завела! Говори толком!

– Пиши маркером крупными буквами: **ВЫВЕСТИ ПАЦАНА И СТАДО. ОДИН – ОТ ВАС. ОДИН – ОТ НАС.**

– Как думаешь – подействует? – задал вопрос Круглов, когда вывел последнее слово.

– Отделение, слушай мою команду! – вместо ответа закричал Волнорезов. – Прекратить стрельбу!

Услышав преступный приказ, старшина со всех ног бросился к сержанту. Ударив подчинённого прикладом по челюсти, прохрипел:

– Пристрелю, сука!

– Стреляй, – процедил Волнорезов, выплюнув два зуба. – Всё одно помирать!

– Товарищ старшина, пацан там! Аслан из соседнего аула! Спасти бы! Вот на ватмане накалякали! – заслонив друга, вступился Круглов.

– Что раньше молчали, писаря грёбанные? – в миг остыл Кощей, а потом зычно рявкнул: «Прекратить стрельбу!»

Осаждённый бастион затих. Наступило утро. Небесный дискобол, на протяжении миллионов лет метавший раскалённое солнце с восхода на закат, дарил последний день русским десантникам. Ни один человек не помнит момента своего появления на свет, и лишь немногим Бог даёт знать о времени прихода их смерти. Когда багровый диск рухнет на горизонте, ни одного бойца крылатой пехоты чеченская ночь уже не застанет в живых. Вместе с солдатами погибнут их неродившиеся дети, несбывшиеся надежды, неосуществлённые мечты и несделанные ошибки. Затянутые в водоворот грязной войны, они так до конца и не поймут, за что расстанутся с жизнью, зато у них не будет и тени сомнения, как это надо сделать.

Полевой командир Зелимхан Дзасоев заметил, что противник прекратил стрельбу. Вооружившись биноклем, он стал внимательно осматривать укреплённый блокпост федералов, пока, наконец, не обнаружил причину странного молчания десантников. Прочитав надпись на ватмане, Дзасоев отдал приказ о прекращении огня и, подозвав одного из боевиков, сказал:

– Соберёшь стадо и выведешь мальчишку из огня. Один из русских поможет тебе. Пошевеливайтесь. У нас не так много времени. И всё-таки эти без пяти минут мертвецы – хорошие солдаты. Клянусь Аллахом, мне жаль, что они встали у нас на пути.

И словно не было войны...

Младший сержант российской армии Коля Волнорезов снял китель, сбросил сапоги, закатал до колен брюки, лихо сдвинул голубой берет на затылок, улыбнулся, засунул загорелые руки в карманы и, насвистывая какую-то весёлую мелодию, бодрым шагом направился вниз.

– Ты смотри-ка! Бард в пастухи заделался, – с завистью пробормотал ефрейтор Круглов.

– Что ты там мямлишь, сынок? – задал вопрос Кощей.

– Это я так, товарищ старшина. Сам с собою.

– Что-то мне твой голос не нравится. Ссышь немного?

– Боюсь! Да, боюсь! А чего такого? Это мне задачу выполнять не мешает, – с вызовом в голосе пробурчал Круглов, а потом задумчиво продолжил: «Колька всегда и во всём был первым: на студенческих пирушках, в драках и любовных похождениях. Я всегда завидовал ему. Один он у матери, товарищ старшина. Она в нём души не чает. Вот я, к примеру...

– Отставить! – перебил Кощей. – Бог собрал на этой проклятой высоте отборную гвардию, и ты ничем не хуже твоего друга.

– Да вы только посмотрите на меня. Несклёпистый тюфяк, лицо – тяпкой. Сам не знаю, как Волнорезов с Брутовым меня к себе подтянули. Они ведь никогда не давали мне почувствовать свою ущербность. Бывало, что вляпаюсь в какую-нибудь историю, а эти уже тут как тут. Волнорезов самого чёрта мог заговорить и убедить его в том, что Степан Круглов успеет подготовиться к зачёту, закроет долги перед сдачей экзамена и т. д. Подшучивал он надо мной, конечно, и тупорылым идиотом обзывал, но это у него всё так – от избытка энергии и эмоциональности. Мятущаяся душа и светлая голова, он всегда страдал оттого, что не может найти для себя настоящего применения. Оголённый нерв, в общем... А Брутов... Когда раздавали смелость...

– Я бы сказал наглость и пакостность, – прервал старшина.

– Не знаете Вы его, – зло бросил Круглов. – Его наглость – от глубоко запрятанной стеснительности, пакостность – от любви к разнообразию. Никто не знает, что у него очень чувствительная душа.

– А жрать мы сегодня будем или нет?! Голодным я подыхать не намерен, товарищ старшина! Не хлебом единым – это не по мне! А вот мясом и салом – самое то! – прокричал весёлый голос, который, без сомнения, принадлежал чувствительной душе.

Круглов замялся и пожал плечами, а Кощей не замедлил со ответом:

– Пообедаем с тобой в аду, Брутов! Там уже ждут пополнения! Я, как старший по званию, сразу же назначу тебя в наряд по кухне! Прапорщик Сатанинский уже доложил мне с того света, что котлы ни хрена не чищены!

– Согласен! – отозвался Брутов. – Но с одним условием! Ужин в этих котлах я сварганю из Вас, товарищ старший прапорщик! Думаю, что грешники оценят кашу из старшины!

– А поперёк горла не встану, сынок? – рассмеялся Кашеваров.

– Никак нет! В капусту вас искрошу!

– Значит, обедаем в аду?

– Так точно!

– Смотри, сынок! Не подведи своего командира!

В это время у подножия высоты, богатой густой и сочной травой, пытались сбить в кучу перепуганных животных чеченский боевик и русский солдат. Сначала их действия по сбору стада напоминали бессмысленную беготню. Коля и Умар, враждебно настроенные друг против друга, не желали реагировать на призывы раскрасневшегося мальчика объединить усилия.

– Ну вы! Ну вот! Ну вот опять всё не так! Зря ты туда побежал, потому что тебе надо было сюда, а не здесь! Без вас я и то быстрее справлюсь! – запальчиво воскликнул парнишка, уже вполне оправившийся после недавно пережитого потрясения.

– Да куда туда-то? – развёл руками Волнорезов. – Ты лучше этому, Аслан, скажи, чтоб он с того боку зашёл.

– Хорошо, Коля. Сейчас скажу, только тебе туда надо. Не ходи возле меня, а то так до вечера не соберём, – заметил пастушок покровительственным тоном и указал пальцем место, в район которого надо было переместиться десантнику. – А ты! Как там тебя? Умар ведь! Там и оставайся! Всё! Всё! Не двигайся! Я их сейчас на вас, в коридор погоню!

Федерал и сепаратист стояли рядом и провожали взглядом Аслана, уводившего стадо в аул. Несмотря на то, что они старались не смотреть друг на друга, но думали об одном: о том, что глупо и страшно теперь стрелять и убивать после того, как они помогли маленькому мальчику; о том, что война – грязное чудовище и нет в ней никакой романтики, а только непрерывный страх, вялое ожесточение сердец, выворачивающая кишки дизентерия, хроническое недосыпание, вечное неустройство и усталое равнодушие к чередованию жизни и смерти перед глазами.

Пастушок вдруг вздрогнул и обернулся, словно вспомнил о чём-то. Его глаза расширились, по телу прошла судорога. Увлёкшись сбором стада, Аслан на какое-то время забыл о том, что была стрельба, а потом неожиданно прекратилась. В момент затишья он был озабочен только тем, как вывести баранов; также мальчика интересовало, сколько его блеющих подопечных убито, сколько ранено и как ко всему этому отнесётся отец. Когда в уме были подсчитаны потери, и стадо оказалось в безопасности, он восстановил события раннего утра и всё понял. «Если б не они», – пронеслось в голове у Аслана, а уже в следующую секунду он со всех ног бежал к своим спасителям. Споткнувшись несколько раз и разбив при этом колени в кровь, пастушок подбежал к молодым парням и обнял обоих. Слёзы душили Аслана.

– В-в-в-ы-ы! В-в-в-ы-ы! Не н-н-на-д-д-о! Па-г-г-ги-б-б-нете! – всхлипывал пастушок.

– Что ты, что ты, – грустно улыбнувшись и погладив мальчика, стал успокаивать Волнорезов. – Всё будет хорошо, не плачь только.

– Я и не плачу, – гордо выпрямившись, шмыгнув носом пастушок.

– Он не плачет. Он – настоящий джигит. Я, русский Коля, твой отец, тейп, к которому ты принадлежишь – мы все гордимся тобой, Аслан, – бесстрастно произнёс Умар.

– Правда? – слизнув зелёную капельку, повисшую на носу, воскликнул мальчик и весь засветился от сдержанной похвалы своего земляка.

– Правда, – произнёс Волнорезов и одел на Аслана берет.

– Правда. Ты не бросил баранов, которых тебе доверили. Ты поступил как настоящий мужчина. А теперь тебе надо уходить. Я как старший – приказываю тебе, – строго сказал Умар.

– Я понял. А вы? – спросил пастушок.

– Мы остаёмся. Всё. Беги, – подтолкнул мальчика Волнорезов.

Умар погиб спустя десять минут после возобновления боя.

Два часа огрызалась высотка, сдерживая атаки неприятеля. Земля смешалась с небом в чёрном квадрате 333.746 по улитке 2, гибли люди, протяжно стонали раненые, воздух насытился пороховой гарью, а громадной стране не было никакого дела до того, что где-то на одном из её атомов нарывает гнойник, так как Россия давно была объята пламенем постперестроечной войны. На всём пространстве от Калининграда до Дальнего Востока пускали метастазы раковые опухоли коррупции, чёрного передела собственности и бездуховности. За тысячи километров от Чечни люди расплачивались за беспредел нищеты, наркоманией и пьянством, а в мятежном регионе – кровью своих сограждан.

После двухчасового боя в живых осталось четыре десантника: старшина Кашеваров, младший сержант Волнорезов, ефрейтор Круглов и рядовой Брутов. Изрешечённый бело-синекрасный флаг полоскался на ветру.

– Сука, арабов-то сколько. Обкуренные – к бабке не ходить. Они-то куда лезут, бля! Шта-там на руку, в рот компот, что мы тут друг другу глотки перегрызём... Следующий штурм будет последним, пацаны. Теперь мне хотелось бы знать, за что мы здесь все поляжем, – сказал Волнорезов и жадно припал пересохшими губами к фляжке. – Какая польза стране от двенадцати трупов? Отделили бы их к чертям собачим!

– Присоединяюсь, Колян, – сплюнул Брутов.

– И ты, Брут? – прозвучал голос Кошея.

– Да, и я! И я, будь всё проклято! Мне плевать, что здесь грохнут меня! Пусть лучше меня смолотит в этой мясорубке, чем какого-нибудь молокососа, но я должен знать для чего!

– Крайних ищешь? – спокойно сказал старшина и впился глазами в подчинённого – Их нет!

– А кто нас сюда загнал? – впал в истерику Брутов. – Твари! Они все там в Кремле – твари! Они видели, как у парней отрезают члены, как внутренности наматываются на гусеницы бмдэшек и танков, в каком дерьме мы живём здесь изо дня в день?

– Забудь о президенте, олигархах, Думе и генералах, сынок! Забудь! – встряхнул подчинённого старшина. – Да, они сюда нас послали, но на этом их власть кончилась! Двенадцать человек сейчас решают, прорвутся ли дикие орды дальше или захлебнутся! Здесь я – президент, а ты – министр обороны – понял? Мы и только мы решаем, быть ли Чечне или быть ли Чечне в составе России!

– Минут пять ещё решать будем! – заметил Волнорезов. – Только всё-таки на хрен нам она сдалась?

– Не ради неё самой. Сегодня – Чечня, завтра – Татарстан, послезавтра – Адыгея. Феодалная раздробленность, князьки, распри – и кранты! А потом в Россию хлынут все кому не лень. А теперь, Круглов, взрывай мост! Быстро! Всё-таки не зря мы здесь – Кощей поднялся во весь рост. – Держи чёрную метку, полевой командир Дзасоев! А теперь советую всем погибнуть, иначе живые и раненые позавидуют мёртвым. К бою!

И была резня. Младший сержант Волнорезов подорвал себя гранатой. Зарезав штыковым ножом трёх арабов-наёмников, с перерезанным горлом повалился на землю рядовой Брутов.

– Брать живыми! – закричал Дзасоев, ворвавшись на высоту.

Ефрейтора Круглова, раненого в ногу, вместе со старшиной, у которого после попадания пули развалило правую половину лица, поволокли к полковому командиру. Десантников пинали ногами, долбили прикладами и глумились над их беспомощностью. Безумный хохот озверевших нелюдей сотрясал высоту.

– Мама! Мамочка! Милая моя! Я не вынесу, не вынесу! – с перекошенным от ужаса лицом шептал Круглов.

Старший прапорщик хранил молчание.

– Что там у тебя, солдат? – обратился Дзасоев к Круглову. – Крест что ли?

Ефрейтор стоял на коленях, его голова была опущена на грудь, руки свисали плетями. Грудь девятнадцатилетнего мальчика содрогалась от беззвучных рыданий, глаза были закрыты. Грязный, оборванный, затравленный, одуревший от побоев, залитый кровью, – он уже не понимал, что происходит вокруг, поэтому не ответил на поставленный вопрос.

– К тебе обращаюсь. Сорви крест, обратись в нашу веру и будешь жить, – усмехнувшись, предложил Дзасоев. – Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его.

– Не изгаляйся над ним, сука, если в тебе осталась хоть капля человеческого, – медленно выговорил старшина, делая акцент на каждом слове.

– Слышь, командир, не к тебе обращаюсь – да! – засмеялся Дзасоев, подошёл к Кашеварову и ударил его ногой в живот.

Круглов поднял голову, открыл заплывшие от синяков глаза, бережно выпростал крестик из-под тельняшки и крепко зажал его в кулаке. Что-то необъяснимое и загадочное совершалось в душе юноши, но никто не заметил этого. Над ним продолжали измываться, а он смотрел на перекошенные от ненависти лица боевиков и плакал от счастья и жалости к ним, потому что неожиданно ему открылось то, что было недоступно их пониманию.

– Вы – другие. Я знаю, – тихо произнёс солдат, поднял глаза к небу, а потом из его груди вырвался жуткий крик: «Свой крест я пронесу до конца! Господи, прости нам, ибо не ведаем, что творим!»

– Кончайте! – бросил Дзасоев и отвёл глаза в сторону.

– Этого? – спросил один из боевиков, указывая на Круглова.

– Обоих, – ответил полевой командир и, избегая взглядов, быстро пошёл прочь.

Глава 5

Странное и удивительное было время, когда ребята подросли до вуза. Ситуация в стране начала помаленьку стабилизироваться в том плане, что до улучшения было ещё далеко, а вот неприятных неожиданностей стало меньше. Абсолютная монархия царя Бориса в новогоднюю ночь тихо и мирно уступит место монархии конституционной во главе с Владимиром «Помнящим Добро». Уходили в прошлое «малиновые пиджаки» с их прямолинейной тупостью, ханжеством, ограниченностью, бандитскими разборками и дерзкими предприятиями ради быстрой наживы. Однобоко поумнел народ, потому что не верил уже не только плохим, но и хорошим людям. Улучшилась экология в городах, так как редко где теперь дымили трубы заводов и фабрик. Дошли до последней степени обнищания русские деревни; они потихоньку смирились с существующим положением дел, переключались на натуральное хозяйство и попивали горькую, поругивая политиков на пару с колхозами, в которых даже воровать теперь было нечего, так как последнее коллективное имущество растащили в середине 90-ых. Сказочно обогащались сырьевики, банкиры и чиновники. Просто обогащались торговцы. Перестали жаловаться и бастовать бюджетники, потому что в этой сфере к концу 90-ых остались только самые преданные делу люди. Интеллигенция, ополоумевшая от свалившихся на страну свобод, занимала койко-места в сумасшедших домах.

Поколение 80-ых, которое возмужало к миллениуму, было ещё более странным, чем само время. Молодые люди сплошь и рядом представляли собой смесь бестолкового добродушия, легкомыслия и беспечности. Искромётное остроумие секунды ценилось выше глубокого ума; находчивость и умение зарабатывать деньги имели больше поклонников, чем честность и порядочность; независимость предпочиталась дружбе, а секс – любви.

От сессии до сессии живут студенты весело, а вот великолепная шестёрка, представленная читателю в первой главе, вела себя не просто весело, а прямо-таки буйно. Избавившись от пристального внимания школьных учителей, они жадно втягивали ноздрями воздух свободы. Никто не требовал от новоиспечённых первокурсников выполнения домашних заданий и ответов у доски. Не знакомые преподавателям, распределённые в разные группы, они вдруг стали серой массой, просто фамилиями в журналах проверки посещаемости. Вся наша шестёрка угодила в группу 99—б, которую в дальнейшем будут называть не иначе, как «чумовой» за богатую палитру характеров и талантов, соединённых вместе. Первое время активность наших студентов никак не проявлялась, не считая того, что женоподобный красавчик с утончённым юмором Артём Бочкарёв выкрасил волосы в брусничный цвет, еврей милостью божьей Яша Магуров раздался вширь и профессионально подлизался ко всем преподавателям, живчик Вовка за неугомонность и вертлявость на парах получил ласковое прозвище «Мальчишка», твердолобый и самолюбивый Вася Молотобойцев начистил рожи нескольким студентам, холодный и рассудительный Лёня Волоколамов парализовал преподавателя по высшей математике решением наисложнейшей задачей со звёздочкой, а революционно настроенный Алексей Левандовский затравил на одном из семинаров молоденькую преподавательницу и устроил мини-бунт в студенческой столовой из-за таракана в борще.

Прошло три с половиной месяца. Студенты старших курсов забрасывали свою лень в дальний угол и плотно брались за учёбу: почитывали методическую литературу, переписывали у своих товарищей недостающие лекционные материалы, регулярно посещали занятия, активной работой на семинарах мозолили глаза преподавателям и вели трезвый образ жизни. А вот первокурсники, на которых почти никто не обращал внимания, распоясались донельзя. Две трети набора 99-ого года, – не усвоив хотя бы элементарных понятий об экономике из-за систематических отсутствий в институте, не запомнив даже многих преподавателей по именам, – изо дня в день обмывали получение статуса студента в дешёвых забегах, на квар-

тирах у местных и студенческом общежитии с многообещающим названием «Надежда». Пивоваренный завод, не справляясь с возросшим спросом на свою продукцию, принял экстренное решение «об убиении двух зайцев». Одного «серого» пристрелили разбавлением пива ключевой водой, что позволило увеличить объёмы и сразу же зацепить остаточной дробью второго русака, потому что вредные для здоровья людей градусы были не просто понижены, а практически нейтрализованы.

– Вовка! Женечкин! – забарабанив в дверь комнаты №303, крикнул Молотобойцев и, не дожидаясь приглашения, ввалился внутрь. – Мы к тебе, Мальчишка! С нас – водяра, с тебя – харч!.. Я не один. Мы уже поддали, к тебе догоняться пришли. – Вася развернулся на сто восемьдесят градусов, театральным жестом распахнул дверь настежь и пробасил: «Заваливай, пацаны! Вовка сегодня принимает»!

– Поцыки! – радостно воскликнул Женечкин, быстро почесал указательным пальцем под носом, юркнул под кровать, тут же выкатился из-под неё и упавшим голосом произнёс: «Хавчик вместе с бабками кончился, а мама только на следующей неделе приедет. На китайской лапше живу».

Молотобойцева такой ответ не обескуражил. Он степенно разделся, потянулся, хозяйским взглядом осмотрел комнату, по-отечески пожурил Вовку за то, что даёт в долг кому не попадя и начал отдавать приказания:

– Лёха, тебе надо будет реквизировать несколько картошек у студентов из соседних комнат в пользу голодающих собратьев по вузу. – Молотобойцев с напускной серьёзностью посмотрел на друга. – Только без лишнего кипиша, а то выйдет, как в прошлый раз... Да, и не в падлу зайди к Волоколамову, он мне с рефератом обещал помочь.

– Сделаем, Васёк! – осклабившись, бросил Левандовский и испарился.

– А ты, Яша, чё разлётся? – продолжил Молотобойцев. – При всём уважении к твоей массе отрывай-ка свои килограммы от кровати и дуй к девчонкам, они по твоей части.

– Зачем, блин?

– За репчатым луком, блин.

– А без него разве никак нельзя обойтись? – мягко спросил Яша, вкрадчиво улыбнулся и обратился к Бочкарёву: «Брат, принеси воды, пожалуйста».

Артём удивлённо вскинул брови, покачал головой и пошёл выполнять просьбу друга.

Так уж как-то сразу повелось, что Яше Магурову нельзя было отказать. Самостоятельно он только ел, пил и спал. Это был не в меру упитанный Карлсон без пропеллера, которого следовало боготворить только за то, что он присутствует рядом и привносит в компанию лукавый дух загадочности. Ему бы никогда не простили болезненного и усталого вида, который он ловко напускал на себя, если бы при этом из его слоновьих глаз не хлестало игривое шампанское любви и веселья.

Артём принёс Яше воды, выслушал от друга ажурные благодарности и подошёл к окну. Пугающая мысль о приближающейся сессии вторглась ему в голову, но он тут же выпроводил её, как выпроваживал всякую мысль, которая могла вывести его из душевного равновесия. Люди, окружавшие Бочкарёва, всегда завидовали его способности с лёгким сердцем переносить неприятности, потому что все без исключения понимали, что имеют дело не с банальной беспечностью, а хорошо продуманной стратегией, своеобразной методой. Артём никогда не уподоблялся людям «ростовщикам в себе», которым свойственно раздувать из мухи слона; у него всё происходило наоборот. Лишь проблема высвечивалась на горизонте, Бочкарёв бодрой походкой направлялся к ней, вежливо здоровался с непрошенной гостьей в своей голове и просил её зайти завтра, а лучше послезавтра. После такого холодного приёма проблема начинала чахнуть; её перемалывало время, пережёвывали меняющиеся к лучшему обстоятельства, она становилась привычной, а потому вполне безопасной и часто даже смешной в прямом смысле этого слова. Люди часто ошибочно полагали, что вот-вот Артёма уже ничто не спа-

сёт, что ещё немного – и человеку конец. Для того чтобы хоть как-то поддержать Бочкарёва в безвыходных ситуациях, они начинали наперебой давать ему дельные советы, ходатайствовали за него, ссужали парня деньгами. В общем, сломя голову бежали ему на выручку, почти домогались участия в его делах, потому что не понимали, как он может быть до такой степени безучастным к своей судьбе. Когда «конкурсные управляющие» расправлялись с проблемами Артёма, он виновато улыбался, но никого не благодарил, так как искренне считал это лишним, ведь он действительно самый несчастный на всём белом свете.

За окном густо валил снег, покрывая застывшую землю пуховой периной. Тысячи ворон, облепив верхние этажи деревьев, извергали проклятья на всю округу. Хлопья медленно и отвесно падали вниз, вытесняя воздух и ограничивая видимость. Мороз постепенно спал, образовался гололёд. Машины включали ближний свет фар, снижали скорость. Было три часа дня. Артём увидел, как на дороге перед общежитием закрутило и вынесло на встречную полосу движения иномарку. Через секунду от утончённого Бочкарёва, которого за женские ужимки часто относили к «голубым», не осталось и следа: его губы презрительно сжались, глаза засверкали решимостью, лицо стало напоминать чёрствую корку. Ни один томный вздох не вырвался из его груди, как это часто случалось с ним даже по самым незначительным поводам.

– Встречка, тупень, – последовало мысленное предупреждение мужчине, сидевшему за рулём джипа. – Выворачивай вправо. Подставься, баба рядом с тобой... Красавчик. Теперь не дрейфь, скоро конец. – Визг тормозов, глухой удар. – Game over.

Бочкарёв отошёл от окна, молча налил себе водки и залпом выпил.

– Что там на улице? Ты на себя не похож, – сказал Молотобойцев.

– Тихо, – властно произнёс Бочкарёв. – Схожу на вахту, вызову скорую и ментов. Водилы – трупы, баба вроде жива.

– Базара нет, он реально какой-то не такой, – заметил Яша, когда Артём вышел.

– Это и есть его настоящее лицо, сейчас он как раз и был похож на себя, – беззаботно произнёс Вовка, аккуратно разлил водку по стопкам и обратился к друзьям: «За всех, кто в эту секунду выпал из жизни... Не чокаясь».

– Не то мелешь... Не выпал, а ушёл, – поправил Вася.

– И за тех, кто родился в эту секунду, чтобы однажды умереть, – сказал Яша.

Глава 6

Левандовский разжился картошкой на втором этаже у своей однокурсницы, студентки группы 99—1 Наташи Сакисовой, и направился к Волоколамову, чтобы спросить его, когда будет готов Васин реферат по предмету «Научная организация труда студента». Комната №214 была открыта, и Алексей зашёл без приглашения. Будучи местным, как Бочкарёв, Молотобойцев и Магуров, Левандовский не переставал благодарить Бога за то, что ему не надо было жить в студенческом общежитии, как другим. Кто-то из острословов под вывеской «НАДЕЖДА» однажды написал на листке формата А-4: «ВХОДЯЩИЙ СЮДА, ОСТАВЬ НАДЕЖДУ...». Перл провисел под табличкой всего сутки, но был оценен по достоинству. Особое одобрение у жильцов вызвало всеобъемлющее многоточие после слова «надежду», потому что три точки давали обильную почву для фантазии. Безымянный автор сделал гениальную подачу в штрафную площадь на головы своих товарищей, и они уже просто обязаны были забивать: «ВХОДЯЩИЙ СЮДА, ОСТАВЬ НАДЕЖДУ сохранить целомудрие, быть сытым, жить без долгов, нормально вымыться, остаться трезвенником, ПАВЛОВНУ беременной и т. д.

Левандовский увидел мертвеца пьяного Волоколамова, спавшего на груди книг. Повсюду валялись пустые пивные бутылки и окурки. На столе, где Волоколамов с товарищем обедал и готовился к занятиям, громоздилась пейзажная башня из грязной посуды. Левандовский брезгливо поморщился и приступил к уборке.

Левандовский чувствовал странное удовольствие, когда скрупулёзно и последовательно наводил порядок в чужой комнате. Дело было отнюдь не в благодарности за услугу, – которую выразит ему товарищ после того, как проснётся и увидит вокруг чистоту, – а совсем в другом. Левандовский ощутил дыхание реальной, почти диктаторской власти над беспомощным телом друга и его вещами.

– Я мог бы вылить на тебя ведро воды, чтобы привести в чувство, но не сделал этого, – думал Алексей. – Я мог бы превратить тебя в кровавое месиво, и ты бы даже не понял, кто тебя избил. Ты прожил двадцать лет до встречи со мной, не подозревая о том, что 14 декабря 99-ого года именно Лёха Левандовский будет решать, поставить ли твою пепельницу на стол или, к примеру, на подоконник, встречать ли тебе Новый год за фужером шампанского или в гробу, будут ли завтра плакать твои родители над трупом сына или радоваться его успехам, потому что в данный момент менеджер твоей судьбы – я. Топ-менеджер, ведь твоя жизнь находится в моих руках, которые могли бы вцепиться тебе в горло, но вместо этого убирают окурки, вытирают пыль и моют посуду. Не я нагадил и развёл свинарник, но, несмотря на это, убираю и подчищаю за тобой, потому что из всей нашей шестёрки только мы с Молотобойцевым не боимся чёрной работы, не стесняемся её, даже любим, поэтому у нас есть все шансы выжить в этом мире. – Левандовский поднял с пола «Отверженных» Гюго и горько усмехнулся. – Привет, Витёк... Не рад, совсем не рад тебя видеть. Сколько мы с тобой знакомы?... Лет пять, наверное. Ну и растравил же ты меня однажды. Я тогда не плакал, а выл над тобой. Сполохи революционной Франции, Гавроши, Козетты, Вальжаны, свобода, равенство, братство... Подлец. Ты подлец, Виктор. Сколько ты завербовал своими книгами, сколько наивных мальчишек и девчонок увлёк за романтическим знаменем, выдернув их из реальности? Тебе всё мало, Витя. Давно уже умер, сволочь, а не перестаёшь. Теперь и этого хочешь? – Левандовский кивнул в сторону Волоколамова. – Лёньку тебе не дам. Обрыбишься. – В полёте книга раскрылась, отчаянно зашелестела, раненой птицей врезалась в стену и медленно стекла вниз. – Хотя нет. Рекрутом Гюго после прочтения «Отверженных» ты не станешь, так как представляешь собой танковую гусеницу по перемалыванию книг, которая не желает превращения в пусть и красивую, но уязвимую бабочку. Литература для тебя отнюдь не духовная, а такая же материальная пища, как сосиски и картошка. Особой разницы между художественным романом и учебником по физике

ты не видишь; от первого тебе требуются крылатые фразы, от второго – законы и формулы, для того чтобы прослыть человеком умным и разносторонне образованным.

Волоколамов уже двадцать минут скрытно наблюдал за Левандовским. Он испытывал нестерпимую жажду с похмелья, но терпел и не подавал признаков жизни. Он поклялся себе, что пробудится ото сна только тогда, когда комната будет сиять чистотой, потому что у него не было ни сил, ни желания помогать другу. Как назло Алексей наводил порядок, что называется, с чувством, с толком, с расстановкой; любовно обрабатывая каждый квадратный сантиметр комнаты половой тряпкой, он с живодёрским воодушевлением сажал на кол всех известных науке микробов и брал в плен неизвестных. Такая обстоятельность, конечно, радовала Леонида, но одновременно и озлобляла его против Левандовского, так как лежать на книгах было нестерпимо больно. Волоколамов не помнил, как он оказался на собственной библиотеке, вывалившейся из шкафа. Писательские труды, закованные в латы твёрдых переплётов, с каждой минутой всё сильнее впивались в тыльную сторону рук и ног, а также спину Леонида, как будто стремились разодрать его телесную оболочку, погрузиться в горячий ливер, разложиться там и стать плотью и кровью парня. Это не входило в планы Волоколамова, его холодный рас­судок противился проникновению чужеродных тел, но он продолжал терпеть.

– Интересно, долго ты ещё будешь дрыхнуть? – спросил Левандовский, не рассчитывая на ответ.

– А сколько тебе требуется времени, чтобы довести начатое дело до конца? – сухо ответил человек, лежавший на куче из книг.

– Минут десять.

– Постарайся за пять.

– Это почему?

– Потому что Достоевский уже в печёнках сидит, – нехотя ответил Волоколамов.

– Что за тон, Лёнька? Ну что ты за человек!

– Как все.

Левандовского взбесили холодные реплики Волоколамова. В Алексее закипела желчь, угрожая выплеснуться в поток язвительных фраз, но он сдержался. Отсутствие огня в глазах друга всегда неприятно поражало Левандовского, хотя, надо отметить, у него самого глаза блестели не совсем чисто. Алексей был, что называется, продуманным романтиком, закалённым в горниле капиталистического реализма. Например, он готов был с гитарой за плечами сорваться «за туманом и за запахом тайги», если бы с точностью до сантиметра знал, где находится золотonosная жила, чтобы по возвращению домой миллионером и владельцем прииска позволить себе непозволительную роскошь быть романтиком. Если бы команданте Че жил в наше время и обратился к Левандовскому за помощью, то последний, воспламенившись, не забыл бы спросить: «Каковы шансы на победу кубинской революции? Если пятьдесят на пятьдесят, то я – пас. Только сдохнем всем на смех. Кстати, Советский Союз выполнил обещание насчёт поставки вооружения и боеприпасов?.. Не полностью?.. Тогда подождём, дорогой Че. Участь Данко меня не привлекает, предпочитаю видеть результаты от вложенных усилий».

– По какому поводу бухаешь? – спросил Левандовский.

– Ровно два года назад, чтобы не забрали в армию, я отказался от российского гражданства.

– Значит, на радостях квасишь?

– Нет.

– Неужели с горя? – съязвил Левандовский.

– Тоже нет.

– Пацифист? Свидетель Иеговы? Идеальный противник существующего строя?

– Опять не угадал. Мне просто не по себе. Вроде как никого не убивал, а чувствую себя хуже убийцы. Не крал, а завидую сейчас последнему вору. Как будто меня вообще нет. Не для

государства, а для себя нет. – У Волоколамова из стороны в сторону быстро заходила челюсть, так случалось с ним каждый раз в минуты сильного волнения. – У меня состояние нравственной импотенции, Лёха. Уже два года, как я не могу стать насильником, но и зачать, родить что-нибудь стоящее тоже не могу. Я не могу стать даже Иудой, так как для того, чтобы предать, надо иметь что предать. – В глазах Леонида забегали огоньки безумия. – У тебя при себе паспорт? Паспорт гражданина Российской Федерации? Дай мне его!

– У тебя с пахмы башню снесло, ты спятил! – произнёс Левандовский и отшатнулся от друга, как от прокажённого.

– Не больше, чем ты, не знающий, какой ценностью владеешь, какой жемчужиной пренебрегаешь!

Алексей с жалостью посмотрел на Леонида и достал паспорт.

– Держи, если для тебя это так важно. Это всего лишь корочки, удостоверяющие личность. Можешь даже оставить документ у себя, а я сделаю себе новый. По утере.

– А по утере совести восстанавливают паспорт? По утере чести и достоинства, по утере смысла жизни?

– Ты загнался, – бросил Левандовский. – Выпей ещё.

Волоколамов опорожнил бутылку пива и открыл паспорт. На его бледном худощавом лице появилась улыбка. Левандовский с удивлением наблюдал, как у Леонида постепенно разглаживались острые линии подбородка, а в арктических хрусталиках глаз началось глобальное потепление. Только внешнее преобразование не шло ни в какое сравнение с преобразованием внутренним. В холодную душу Волоколамова заглянула короткая полярная весна: солнце обогрело сердце, на деревьях набухали почки, садовники разбивали цветочные клумбы, а неприхотливые зверушки севера устремлялись по округе в поисках второй половины, чтобы успеть заключить браки и справить праздники любви.

Мы бы прочли: «Левандовский Алексей Васильевич, 02.08.1982 года рождения, пол – мужской, паспорт выдан УВД города N Республики Y».

Мы – да, но только не Волоколамов, лишённый гражданства, который читал паспорта, как романы (Алексей ошибался, думая, что его друг не делает отличий между художественной и технической литературой), жадно любуясь каждой буквой: «Левандовский Алексей свет Васильевич – один из ста пятидесяти миллионов потомков великого племени (куда дреговичи тоже входили), дравшегося с печенегами, утопившего немецких рыделей в Чудском озере, расправившегося с Золотой Ордой на Куликовом поле, подарившего миру прекрасных зодчих, учёных, скульпторов, Фонвизина, художников, Сурикова, писателей, бомбардира Петра I под Полтавой, Екатерину Великую, которая вела переписку с Вольтером, Святослава «иду на вы», а какие у нас раздольные степи и т. д. Левандовский Алексей сын Василия имеет полное право гордиться деянием пращуров, приумножать славу России в своём временном отрезке на любом поприще, которое пожелает избрать, может голосовать на своём избирательном участке, родить себе сына, который подарит ему внука и т. д.

Обычно Волоколамов выстраивал чёткие логические цепи, но только не тогда, когда рассматривал чужие паспорта. Эмоциональное перевозбуждение приводило к метанию мысли, перескакиванию с одного предмета на другой, недооценке одного события вкупе с преувеличением значимости другого, так как в состоянии восторженного аффекта он опьяневшим казаком мчался на необузданном жеребце не по дороге, а по кочковатому полю, и конь этот летел чёрт знает куда сразу во всех направлениях. В общем, Остапа непоследовательно несло, но одно не вызывало сомнения: паспорт представлял для Леонида большую ценность.

– Почему ты его в обложку не закатал? Истреплется ведь, ветошью станет! – благим матом заорал Волоколамов.

– Псих! – бросил Левандовский.

– А ты – сволочь! Где ты его носишь? Так я тебе напомним. В заднем кармане джинсов ты его носишь! Рядом с анусом он у тебя хранится! Чтобы достать паспорт, ты проделываешь такое же движение рукой, когда вытираешь одно место в туалете! Один в один! Давай туда ещё пачку мальборо запихай, чтобы паспорт дешёвым американским табаком пропитался, чтобы вонючий ковбой нашего двуглавого орла сношал!

– И запихаю! – взревел Левандовский.

– И запихай! Кто тебя просил у меня убираться?! Лучше бы ты сам убрался к чёрту!

– Куда подевалась твоя интеллигентность? В пьяном виде ты похож на неандертальца, на обезьяну! Посмотри на себя! Ты же животное! И куда подевалось твоё преклонение перед Западом?! Может, я его с окурками подмёл?! Ты же ещё вчера был готов заглядывать им в рот, подстилкой стаять, ботинки лизать, потому что они де – великие нации, а мы де – дерьмо! А сегодня про ковбоя с паспортом мне базаришь.

– Твари мы! – опустившись на табуретку и вцепившись в волосы, отрешённо произнёс Волоколамов, и подбородок его задрожал. – Водку третий месяц жрём, всех баб в общаге уже того. – В глазах Леонида вскрылись реки, начался ледоход, но пока ни одна капля не вышла из берегов. – Я хотел стать государством в государстве, Лёха. Передвижной державой, самодостаточной единицей. Вы всё время упрекаете меня в холодности, а это была всего лишь независимость, территориальная целостность страны, которую я годами создавал внутри себя. Государство – это машина, оно по определению бездушно. – На глазах Леонида выступили слёзы. – Машина может сломаться, но боли при этом чувствовать не должна.

– Должна, но не обязана, параноик. Давай разнойся ещё, – бросил Левандовский, с неудовольствием почувствовав, что после слов друга у него самого на душе заскребли кошки. – Книг-то развёл, яблоку негде упасть. Я бы на твоём месте...

– И ведь как с инстиком-то нам повезло, Лёха, но никто не ценит, – перебил Волоколамов. – Ты видел, что некоторые препода на парах вытворяют, какие мысли пытаются в нас заложить. О долге, чести, общественном благе, гражданском мужестве говорят. И это в провинциальном-то ВУЗе! Не в столичном, в заштатном! Нонсенс. Я не ожидал, совсем не ожидал, хотя помнишь Пузыря с Митрохой... Они намекали.

– И я рад, что в Москву или Питер поступать не поехал. Там сейчас в большинстве своём золотая молодёжь учится, а мне с ней не по пути. В настоящий момент в столичных ВУЗах готовится элита, которая уже не будет иметь ни малейшего понятия, что такое народ. Нет, это вовсе не значит, что выпускники МГУ, выучившись за родительские деньги, выйдут из стен своего учебного заведения бесчестными и глупыми. Нет, я не о том. Одновременно с нами на исторической арене появятся, может быть, умнейшие, компетентнейшие и образованнейшие люди, но их оторванность от народных истоков будет настолько велика, что мы столкнёмся с дипломатами для дипломатии, политиками для политики, экономистами для экономики, юристами для юриспруденции. В общем, вращаюсь в своём богатом и интеллектуальном кругу, а про простых людей ничего не знаю и знать не хочу. Народ будет казаться им спивающимся иностранцем, с которым они по какой-то нелепой случайности проживают на одной территории. Их даже судить за это нельзя... А вспомни девятнадцатый век, Лёнька. Вспомни, как кипели универы обеих столиц, как на каждое событие в жизни страны отзывались. Во многом, конечно, тогда заблуждались студенты, но боролись же, не было у ребят равнодушия. С преподами действительно повезло. К примеру, взять Иванковского. Это же сколько литературы надо для одной только лекции по «Политологии» перелопатить, чтобы довести до нас самую объективную и важную информацию под запись. Тонны, блин! Тонны! И так ведь он каждый раз готовится. А где благодарность?.. Ему в прошлом году за принципиальность на экзаменах тачку изуродовали, на дверцах новой машины «КОЗЁЛ» и «СУКА» в отместку написали. – Левандовский хмыкнул. – Я бы ещё мог понять, если бы просто колёса прокололи, а то ведь

мужику тойоту перекрашивать пришлось. Бешеные бабки. Узнаю, кто нагадил – мало не покажется.

– А толстячок Печёрский. Почему про него забыл? Месит ведь мужик.

– Или Лепёшкина!

– Штольц!

– Тивласова, Карпенко, Жданова!..

– Сам ректор! – воскликнул Волоколамов, а дальше его глаза сузились до щелок, и он процедил: «Но я их всех ненавижу. Ненавижу за то, что они в наших с тобой сокурсниках ответного блеска в глазах вызвать не могут. Подхода не знают. Того не понимают, что у большинства студентов даже примитивной подготовки нет, что в семьях, с которых всё должно начинаться, говорят не о литературе, искусстве или гражданских доблестях, а о деньгах, карьере и тряпках. Тут с азов начинать надо, а у преподав нет на это времени, и я начинаю их презирать, себя презирать. Ненавижу наши тесные и убогие хрущевские кухни! Ненавижу за то, что они пришли на смену столовым, в которых в незапамятные времена текли неторопливые беседы о высших ценностях в большом кругу друзей и родных. Со столовых выходят гении, с кухонь выползают злодеи; эта мысль красной нитью в любом классическом романе проходит – понял?.. Помнишь, как я на паре с историчкой поругался? Один единственный раз меня прорвало. Не потому поругался, что с ней не согласен был – нет! Чтобы заглохла – вот почему! Мне её жаль стало, ведь почти никто не слушал, о чём она говорила, а те, кто слушал, посмеивались. Типа, дура ты... Я ведь святые мысли, которые она тогда озвучивала, на поругание не хотел отдать. Она теперь ненавидит меня, а я за неё жизнь положу. В армию побоялся идти, а за неё – в огонь и в воду»!

– А я смеялся?.. А Мальчишка, Бочарик, Васька, Яша смеялись? Пацаны не по дням, а по часам меняются. Хоть кого возьми. Я внимательный до характеров. Точно тебе говорю, что Васёк два месяца назад и Васёк сейчас – разные люди. Одни черты отмирают, другие усиливаются, третьи трансформируются во что-то немыслимое. Ничего не понимаю. И с Яхой, со всеми нами так. Тебя вот сегодня не узнать, то есть я хочу сказать, что совсем тебя не знаю. Идёт не взросление, а что-то другое, страшное. Может, преподавы влияют, новый коллектив, наше общение друг с другом? Как думаешь?

– Всё вместе влияет, – выдохнул Волоколамов, обдав перегаром Левандовского.

– Да быстро как.

– Я бы сказал – экстерном.

Левандовский залпом выпил бутылку пива и заявил:

– Книги – зло!.. Бей их!

А потом случилось страшное: комната наполнилась безумным хохотом. Как будто бесы вселились в Алексея и Леонида. Ребята стали с остервенением швырять книги в стену.

– Кто сказал, что рукописи не горят?! – взорвался Левандовский.

– Булгаков!!!

– Без сопливых! Я к тому, что это он через край хватил! На костёр его!

– Сжечь без базара! Но тебе не дам! Он мой! У меня с ним старые счёты! – закричал

Волоколамов.

– А Гюго – мой! Благодаря этому человеку я никогда не буду счастливым!

Книги были подожжены. Едкий запах дыма распространился по комнате. В руках Волоколамова горели «Мастер и Маргарита», в руках Левандовского полыхали «Отверженные». Глаза друзей хищно светились, но никто из них уже не хохотал.

– Брось книгу. Сгоришь к чертям, – сказал Волоколамов.

– А сам почему не бросаешь?

– Тебя не касается... А ты?

– Не твоё дело, – огрызнулся Левандовский.

В комнате запахло палёным мясом. Оба друга побледнели, заскрежетали зубами, но ни один звук боли не сорвался с их губ. В их поведении не было никакой юношеской бравады. Им вдруг сделалось стыдно за свой проступок, и они его искупали.

– Брось! Это всего лишь книга! – взвыл Левандовский. Мужество с каждой секундой оставляло его, из глаз покатались слёзы, но он терпел. Мысль о том, что правая ладонь может не вынести испытания огнём и подведёт его, испугала Алексея, и он, не раздумывая, схватился за «Отверженных» ещё и левой рукой, как будто хотел равномерно распределить пламя и тем самым ослабить его действие.

– Как скажешь! – отозвался Волоколамов на предложение друга, ощерился и разжал пальцы. Роман Булгакова упал на пол, и Леонид тут же наступил на горящую книгу голой ступнёй.

Неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы в комнату не вернулся сосед Леонида и не раскидал бы инквизиторов по углам.

Перебинтовав друг друга, ребята поднялись к Вовке.

– Чё перевязанные? Случилось чё? – спросил Магуров.

– Всё нормально. Давайте бухать, – ответил Волоколамов.

Друзья пили до трёх часов ночи, пока не вышли все деньги. Вахтёрша была задобрена тремя коробками шоколадных конфет, и поэтому сквозь пальцы смотрела на вакханалию в комнате №303. Когда гости, наконец, разошлись, бедный Мальчишка еле держался на ногах. У него раскалывалась голова, в глазах двоилось, ему хотелось спать, но он вспомнил маму, которая бы не одобрила бардак, и приступил к уборке. Сегодня Вовка не хотел пить. Он был вообще такой человек, который любит веселье, но на дух не переносит спиртные напитки. Несмотря на неприятие алкоголя, он всегда с радостью принимал затаренных водкой друзей, потому что любил их больше, чем ненавидел пьянки. Мальчишка мирился с нездоровой обстановкой студенческих пирушек, так как ребята раскрепощались и становились похожими на детей – задорных и способных на милые его сердцу безобидные шалости и глупости. Правда, иногда случался перебор, и дело доходило до драки; тут Вовка терялся и начинал метаться между одуревшими людьми, тщетно призывая их к благоразумию.

Убравшись, Мальчишка лёг в постель, укрылся пуховым одеялом, сжался в комочек и по детской привычке засунул руку под подушку; там его всегда ожидала приятная прохлада. Люди часто разочаровывали Женечкина, но он не переставал верить в них, потому что опирался на счастливые воспоминания из детства и мало кому понятные вещи, как эта прохлада под подушкой, которая никогда его не подводила. Засыпая, Вовка изобразил гудок паровоза, отрывистые команды машиниста, пожелал маме «спокойной ночи» и обратился к Богу:

– Разбуди меня, пожалуйста, в пятнадцать минут восьмого. Я не стал бы Тебя беспокоить, но завтра утром голова будет болеть, без Твоей помощи никак не обойтись. И поцыков тоже. Особенно Бочарика, а то его пушкой не поднять. Его вообще-то можно попозже. Например, к восьми. Да-да, к восьми. Он в институт на такси или на своей тачке поедет. Да, признаюсь Тебе, что я ему завидую. Завидовать нехорошо, грех, а я всё равно завидую. Пьёт больше всех, но никогда не пьянеет. Только я не об этом. У него такие огромные внутренние силы, такой ум, а он предпочитает просто острить и быть поверхностным. Тут какая-то серьёзная травма, хотя Ты и сам всё знаешь.

Морозный воздух после душной Вовкиной комнаты освежил Молотобойцева. Он попрощался с друзьями и, пошатываясь, побрёл домой. По дороге он вспомнил о своём психически больном брате, который редко выходил за пределы своей комнаты:

– Опять эти мысли... Господи ты боже мой, опять они...

Молотобойцев стыдился идиота Ванюши. Вася любил своего неполноценного брата, но подсознательно чувствовал, что его любовь хуже ненависти. Он видел в Ванюше бесполезное существо, почти растение, и такое отношение к родному человеку мучило Васю. Он ста-

рался ни с кем не заговаривать о больном брате, словно хотел убедить себя и окружающих: «Его нет. Я его никогда, никогда не брошу, но его нет».

Меж тем Ванюша был и не просто был, а даже, может быть, влиял на жизнь семьи и общества больше, нежели кто-либо другой. Редко кто понимает, что Спаситель являет себя Миру каждый день через сирых и убогих, и в этом заключается чудо. Его ждут на небе, одетым в парчовые одежды и окружённым святым воинством, а Он притаился в пропитанном мочой бомже, спрятался в складках яркой одежды презираемой всеми проститутки и плачет одинокой старушкой на церковной паперти. Тот, кто протянет руку нищему, калеке, падшей женщине, тот имеет полное право сказать: «Мне не нужны чудеса. Я вижу страдающего Христа каждый день. Утром по дороге на работу я подал нищему, но на самом деле ссудил деньгами Спасителя». Замечательно, что созидательные силы общества стремятся искоренить бедность и пороки, но это, к счастью, невозможно. Не стоит пугаться такой формулировки, потому что наше божественное естество может проявляться только через бескорыстную поддержку убогих, покинутых, презираемых и обездоленных. Других способов стать чище и лучше человечество пока не знает.

У Васи болела душа. Чем больше он старался стереть брата из памяти, тем ярче, отчётливей и несчастней виделся ему Ванюша. Погруженный в себя, Молотобойцев никого и ничего не замечал вокруг. На перекрёстке улиц Мира и Артельской Вася остановился.

– Налево пойдёшь – сифилис найдёшь, прямо пойдёшь – домой попадёшь и маму расстроишь, напра... – поперхнулся Молотобойцев, потому как то, что он услышал, ликвидировало все его сомнения. – Направо пойдёшь – проблему найдёшь, но и совесть, даст Бог, успокоишь.

За ларьком кричала девушка, и Вася побежал на звук её голоса.

Три подонка сорвали с девчонки шубу, повалили на землю и пытались наяву проделать с девушкой то, что в мыслях проделывают три четверти мужчин со всякой мало-мальски симпатичной женщиной, при этом считая себя образцами добропорядочности. Молотобойцев был сыном своего времени, поэтому ничему не удивился. Страх Вася тоже не испытывал, так как его детство прошло на улице, где слабаков высмеивали и презирали. Не единожды побывав кровавым сгустком, Молотобойцев со временем научился драться и игнорировать боль. Его называли храбрецом, и он соглашался с таким определением, но в глубине души чувствовал, что его отвага происходит от привычки и опыта: привычки к физическому страданию и опыта накопленных боёв в одиночных и массовых стычках. Слившись с придорожным тополем, Вася решил на какое-то время остаться незамеченным. Что-то удерживало его от немедленного вмешательства, и он тупо наблюдал за попыткой изнасилования. Он даже не сомневался в том, что в его присутствии надругательства над женщиной не может быть по определению. Молотобойцев спокойно отметил про себя, что на таком лютом морозе у подонков вряд ли что получится. «Сидела бы дома, дурёха. Шаришься по ночам... Странно, что ты перестала звать на помощь. Не жертва, а разъярённая тигрица какая-то», – подумал Вася.

– Ладно, ладно, кобеля ненасытные. Всех обслужу, только шубу не забирайте... В очередь, – вдруг скомандовала девушка.

Васю передёрнуло. Он сначала не поверил своим ушам, но через несколько секунд вынужден был поверить глазам. Борьба за обладание телом прекратилась. Девушка поднялась с земли, отряхнулась от снега, надела шубу, прислонилась к ларьку и приказала:

– Рыженький, начнём с тебя. Только быстро.

Вася вышел из-за тополя:

– Доброй ночи, дамы и господа! Вижу, у вас тут очередь. Кто последний?.. Рыжий, тебе придётся пропустить меня вперёд, потому что инвалиды духа обслуживаются вне очереди. – Вася мельком взглянул на девушку, сплюнул и тут же отвернулся от неё. – Ничего, с пивом потянешь. Распрягайся, милая. Сейчас я тебя жёстко наказывать буду за то, что ты меня своим

поведением со второй группы инвалидности на первую перевела. Я аж отрезвел, ребята! – Молотобойцев рассмеялся. – Надо же так. Одни – сволочи, другая – хуже, чем шалава, да и я, выходит, – не герой, ни хрена не рыцарь. Как жить-то теперь?

– Ты откель взялся, инвалид? – спросил высокий парень с изрытым оспой лицом.

– Отсель, гребень, – рубанул Вася. – Ты вообще судьбой обделённый – понял? Фишка даже не в том, что твоя харя напоминает поле битвы; с лица воду не пьют, не в этом дело. Практически у всех на плече имеется прививка. Как ты думаешь, что она означает? Не напрягайся, сам отвечу. Означает она то, что хотя бы в какой-то период детства мы были кому-то нужны: маме, папе, бабушке, воспитателю детского дома или хотя бы врачу в роддоме. – Насильники опешили. – А ты вот никому не был нужен. Прививка от оспы есть у самого последнего бомжа, попрошайки с вокзала, последней проститутки с панели. Через прививку в плечо кто-то заботился о нашем лице на всю жизнь, а ты его потерял. Знаешь, что такое уже в детстве потерять лицо? Хочешь, я расскажу всю твою биографию от начала до этой минуты, закономерная дрянь.

Последнее слово Вася выплеснул в воздух вместе с кровью уже из горизонтального положения. Сжавшись до предела, Молотобойцев прикрыл голову руками и терпеливо ждал, когда выдохнутся противники, чтобы в подходящий момент начать контратаку. Он по опыту знал, что минуты через две его враги потеряют бдительность, и это станет началом их конца. Вася умел и любил драться, его боевой нижний брейк с каскадом ударов и подсечек был бесподобен. Он решил, что начнёт с Рыжего, который, конечно, не успеет даже вскрикнуть после падения на землю, как к нему присоединятся два его товарища.

– Поехали, – произнёс Молотобойцев знаменитую фразу Гагарина, и его ноги быстро описали окружность.

Рыжий как подкошенный рухнул на Васю.

– Сука... Спина... Задыхаюсь, – где-то в сторонке прохрипел парень с изрытой оспой лицом.

– Этот гад мне руку сломал, руку сломал, сломал руку, – перекатываясь по земле, причитал третий насильник.

– 2:1 в пользу меня, – подытожил Молотобойцев. – Делай отсюда ноги, девка! – Рыжий молотил Васю кулаками. – Веселей, гнида! Убей меня! Невыносима такая жизнь!

Глава 7

И грянула сессия, то есть для кого, конечно, началась, но для большинства именно грянула. В декабре. Потом студентам предстоит пережить ещё две. Вижу недоумение на лице читателя, так как он знает, что традиционная система высшего образования подразумевает две сессии в год. Поясняю. Об институте перестали говорить по местному телевидению и писать в прессе; он вдруг почувствовал, что слился с огромной армией других негосударственных ВУЗов, а это не устраивало его по многим причинам.

– Надо, чтобы обо мне вновь заговорили. Что делать? Ну что же делать? – мучился Антон Сигизмундович. – И ведь нечем похвастать. На 94-ом уже не выедешь. Хоть бы уж что-то говорили, а то ведь вообще молчат. Может с Московским Государственным Университетом переспать? Антон Сигизмундович – голубой ВУЗ. По-моему, звучит круто. Ничего страшного, что на меня косо смотреть будут; так ведь для пиара сейчас все делают. Нет, я всё-таки – кузница кадров, так поступать мне не пристало... А не добавить ли мне ещё одну сессию к двум имеющимся? Безобидно и резонанс.

Подумал и сделал.

Ранним декабрьским утром преподаватель по философии Радий Назибович Ибрагимбеков, за мушкетёрскую бородку и одухотворённое лицо прозванный студентами Арамисом, пешком направился в институт, чтобы принять экзамен у головорезов из шестой группы. Он был одет в серый костюм, кожаную куртку и норковую шапку. Несмотря на скверное настроение, на его лице то и дело появлялась улыбка триумфатора, потому что сегодня он был намерен раздать всем сестрам по серьгам. Полный негодования Радий Назибович решил, что на экзамене не будет жалеть их (презрительным «их» преподаватель обозначил всех без исключения студентов, поступивших в 99-ом), как они не жалели его своим преступным отношением к предмету в продолжение двух с половиной месяцев. Арамис уже давно пришёл к выводу, что людей, знающих и любящих философию, осталось ровно столько, сколько самих философов; и он был недалёк от истины, когда думал, что фамилия Гегель стала произноситься реже, чем словосочетание «вельми понеже». Ибрагимбеков был странным и наивным. Он всё никак не мог дожидаться появления идеальных студентов, которых институт пытался вырастить в 94-ом. Разве мог предположить Радий Назибович морозным декабрьским утром 99-ого года, что слова, которые он произнесёт на экзамене, вышвырнут на арену российской действительности несколько борцов за народное счастье, к которым потом примкнут сотни людей? Да-да, читатель. Автор правильно подобрал слово. Не выдвинут, а именно вышвырнут, как слепых котят, и отрежут ребятам все пути к отступлению. Начало великого пути будет настолько своеобразным, что по прошествии многих лет никто не поверит, что всё началось с... Впрочем, всему своё время, не будем торопить события. Скажем только, что за пять дней до миллениума, казалось, ничто не предвещало рождения первой колонны.

Разложив экзаменационные билеты на столе, Радий Назибович с грустью посмотрел в окно и произнёс:

– Сейчас или никогда. Здесь всё кончено. Они давно зовут меня, они оценят меня по достоинству. – Он открыл дверь и уставшим голосом обратился к студентам: «Кажется, у вас это последний экзамен... Хорошо. Долго я вас не задержу. Заходите-ка все разом».

– А разве не по пять человек сдавать будем? – спросил Мальчишка.

– Припухни, Вовка, – загудели студенты.

Группа 99—6 зашла в аудиторию, расселась и притихла.

Студенты почувствовали халяву; группа напоминала натянутую струну.

Ибрагимбеков всматривался в лица ребят, и ему хотелось плакать от жалости к себе и к ним, потому что он принял судьбоносное решение, с которым ещё ни с кем не успел поде-

литься. Радий Назибович неловко одёрнул полу пиджака и тяжело вздохнул; плуты из шестой группы вздохнули с ним в унисон, чтобы у расстроенного преподавателя не возникло сомнения в их сочувствии его горю. Потом у Радия Назибовича задрожал подбородок, задёргался правый глаз, и студенты в едином порыве для симметрии задёргали левым; сострадательное «ох-ох-ох, что в жизни не бывает» пронеслось по аудитории. Когда Арамис начал говорить и споткнулся на втором слове, умная девушка с грудным голосом, Ира Щербацкая, чуть всё не испортила:

– Радий Назибович, что с вами?.. Мы все сегодня готовы на сто процентов.

Последняя фраза явно была лишней, и на Ирину зашипели... Поздно. Арамис приободрился.

Чтобы переломить ситуацию, Молотобойцев, подобно отважному Гастелло, для общего дела пошёл на смертельный таран:

– Говори за себя, Ира... Радий Назибович находится сейчас в таком состоянии, что враг может ещё больше расстроить его. Будем смотреть правде в глаза: для меня Диоген ассоциируется только с пустой бочкой – не более.

В роли Александра Матросова неожиданно для всех выступил Магуров:

– Да, брат. Что тут поделать?.. Я... То есть, конечно, все мы... Да, все мы ничего не знаем о Ницше.

Радий Назибович схватился за сердце.

– Да, но это вовсе не означает, что мы не любим его, – слащавым голосом произнёс Бочкарёв. – Мы обожаем Ницше, души в нём не чаем. Чтобы любить человека, совсем не обязательно его знать. Не за его учение, а просто так любим. Это лучше, это выше!

Радий Назибович побледнел и в изнеможении облокотился на кафедру.

– А я их всех знаю! – подскочил Женечкин. – Знаю, а сказать не могу. Зато лягушачий хор изобразить могу! В подробностях!

– Сядь, сядь, – загомонили студенты.

– Вы не поняли, – огорчился Женечкин. – Не одну лягушку, а целый болотный хор!

– Это, конечно, меняет дело, но Арамис итак не в себе, а ты тут со своими жабами лезешь, – ущипнув друга за мягкое место, тихо произнёс Левандовский, поднялся в рост и пошёл ва-банк: «Мы с Лёней... В большей степени, конечно, Лёня. В общем, мы с Лёней серьёзно подготовились к сдаче экзамена. Ведь так, Леонид?

– Вот гад. И меня подвязал. Сейчас начнёт – не остановишь, – подумал Волоколамов, спалил Алексея взглядом, но вслух произнёс: «Да, Алексей».

– Так вот, – продолжил Левандовский. – Мы с моим другом знаем о философах и их постулатах абсолютно всё! Более того – ни один факт из биографии того или иного искателя мудрости не был обойдён нами при подготовке к экзамену! – Во время этого пламенного спича через аудиторию уже летела записка, в которой значилось: «Ты, гад такой, когда подробно о ком-то начнёшь говорить, этот кто-то должен быть Кант, иначе отмазывайся сам. Волоколамов». – Остаётся только удивляться, как плеяда замечательных деятелей, практически не повторяясь, а чаще дополняя и углубляя идеи друг друга, продвигала человечество в постижении истины всё дальше и дальше. – Левандовский незаметно ознакомился с содержанием подsunутой ему записки, но решил ещё немного поплутать в дебрях риторики, чтобы потешить публику и довести Леонида до сердечного приступа. – Карл Маркс! Как много в этом звуке для сердца русского, советского слилось. Но нет! Не будем, не будем о Марксе, потому что тогда неизбежен разговор о его друге Энгельсе, Кларе Цеткин, Розе Люксембург и Владимире Ульянове. Они нанизываются на автора «Капитала» как добрый шашлык на шампур. – Услышав сие откровение, вся группа 99—6 без исключения в срочном порядке полезла доставать неожиданно упавшие на пол ручки, и только наивному Радю Назибовичу было не до смеха; он весь проникся ораторским пафосом и искренними интонациями Левандовского, поверил в глубокие познания разошедшегося злодея и даже поторопился сравнить своего студента с Демосфе-

ном. – А великий Никколо?.. Чу, что я слышу! – Левандовский презрительно скривил губы. – Кто посмел, у кого поднялся язык произнести фамилию Паганини под сводами храма Мудрости? Жалкий музыкант не достоин упоминания! Не достоин! Не достоин! – Пена вдохновения выступила на губах трибуна. – Как есть только один Николай – Николай Гоголь, так и есть только один Никколо – Никколо Макиавелли! Этот гений, этот, простите за выпендренный слог, глашатай эпохи Возрождения, этот, не побоюсь этого слова, указующий перст Реформации бросил вызов гниению, открыв собой эпоху горения.

– Остановись, мгновение, – прошептал Радий Назибович.

– Но нет! Нет! Тысячу раз нет! Все об этом гиганте? Никогда! – исступлённо воскликнул Левандовский. – Через годы, через расстоянья устремимся на быстрокрылых грифонах в апельсиновую рощу Эллады. – Левандовский со значением закрыл глаза, и группа затаила дыхание в предчувствии увлекательного путешествия по Древней Греции. – О Боже, что я вижу! Кто там бродит в прохладной тени деревьев?! Белоснежная туника! Сандалии! Это же он! Это же сам Сократ с учениками!.. Быстро все обострились вон на том бойком и любопытном мальчишке, который одной рукой ковыряет в носу, а другой чертит палочкой на земле. Неужели вы не узнали его?! Это же Платон! Он пока молод, как оливка, но уже дерзит, уже о чём-то там спорит с учителем, негодник. – Левандовский с укоризной погрозил пальцем в пустоту. – Не дерзи, Платоша, не зарывайся до времени. Сократ пока сто крат тебя умнее, почитай его как отца, а мы в знак благодарности тебя потом почитаем. – Лицо Левандовского изобразило крушение надежд. – Вот так всегда. Они удаляются, звуки их беседы относит к побережью ласковым ветром. Интересно, о чём же они говорят? – Левандовский не очень хорошо знал древнегреческую философию, но это его отнюдь не смущало. – Об истине, бесспорно! Об истине, и я вызову на дуэль всякого, кто будет утверждать обратное. Я знаю то, что ничего не знаю. Сколько людей – столько и мнений, а истина одна! Одна!

– Демосфен, – произнёс загипнотизированный Радий Назибович и прослезился.

– Демагог, – подумала группа 99—6 и прослезилась от смеха.

– Подробнее о Платоне, Алёша. Мы в восхищении, – зло произнёс Волоколамов.

Левандовский понял, что пора красиво перевести стрелки на Канта:

– О Платоне можно говорить бесконечно, но, к моему глубокому сожалению, наше время ограничено... Демокрит, Сен-Симон, Шопенгауэр, Монтескье, Фурье, Вольтер, Кант... Не стоит продолжать! Да-да – Кант! Как выстрел звучит фамилия! Как будто молнии прорезали тьму, как будто кто-то разорвал грубую телесную оболочку и вынул из неё трепещущее сердце мысли! Кант, Кант, Кант! Вы слышите?! Что в имени тебе моём?.. Мой храбрый Леонид, мой спартанский царь, я не могу говорить об этом человеке спокойно, меня охватывает священная дрожь, а философия требует сосредоточенности и спокойствия духа. Эти две добродетели есть у тебя, поэтому поднимись и скажи, друг.

– Выдающийся философ Кант, – поднялся было Волоколамов, чтобы уже наверняка размазать по стене Арамиса в хорошем смысле этого слова, но был прерван.

– Ребята, я тронут до глубины души, – сказал Радий Назибович. – Может быть, сейчас я слышал только то, что хотел слышать, но всё равно, всё равно. Спасибо. Я уезжаю в Соединённые Штаты Америки, ребята. Меня пригласили на работу в пенсильванский университет. О причине отъезда распространяться не буду, потому что вы всё равно не поймёте. Через меня прошли тысячи студентов, по-своему замечательных людей, и лишь в единицах я увидел то, что мне было нужно. – Голос преподавателя дрогнул. – С этой страной всё кончено, а в обречённом государстве я жить не собираюсь. Давайте зачётки и покиньте аудиторию. Не переживайте, у всех будет «отлично», а теперь уходите. Экзамена не будет.

Обрадованная группа сорвалась с места, чтобы за шесть секунд соорудить стопку из зачётных книжек и исчезнуть за дверью. К чести студентов надо сказать, что, жалея чувства преподавателя, они покинули аудиторию бесшумно.

Только ушли не все. Пять человек остались сидеть на своих местах. Бочкарёв достал чупа-чупс и поместил его за щекой; в аудитории зазвучали страстные причмокивания. Левандовский демонстративно начал напевать «Здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы плечом к плечу вырастаем в землю тут...». Молотобойцев достал из папки игральные карты, произвёл над ними шулерские махинации, подсел к Женечкину и предложил:

– Сыгранём, Мальчишка. В дурака.

– Давай не будем.

– А я сказал – будем. Я тебе даже поддамся, чтобы ты с полным основанием мог произнести: «Вася, в аудитории уже есть один дурак, которого нельзя оставлять в одиночестве. Так вот тебя, Васёк, я оставил в дураках ему за компанию. Ты остался, Васька. И в аудитории, и в дураках, что равносильно».

Радий Назибович сглотнул слюну и подумал: «Господи, неужели?»

В это время Волоколамов уже вскочил на стул и, холодно улыбнувшись, произнёс:

– Стих.

– Просим, просим, – заплотировал Левандовский. – Жги, Лёня! Глаголом жги!

– Уже один раз жгли с тобой. И не глаголом, а глагол. Поэтому – степ. – Преподаватель и ребята, оставшиеся в аудитории, две минуты тупо наблюдали, как танцевал Волоколамов. – Ну, как?

– Сносная дробь, – выгашив чупа-чупс изо рта, заключил Бочкарёв и снова занял рот кругляшкой на палочке.

– Да, средненький степ, но ничего, с пивом покатит. Чечётка у тебя получилась бы лучше, – сказал Молотобойцев и, вскрыв козырь, обратился к Женечкину: «Опять крести, Мальчишка. Дураки, как говорится, на месте».

Фарс не мог продолжаться долго. Радий Назибович ничего не понял или будет правильно сказать, что наоборот слишком хорошо всё понял.

– Почему остались в аудитории или в дураках, что, по мнению одного из вас, равнозначно? – спросил преподаватель.

Студенты ощетились, внутренне подобрались и пошло-поехало.

– Мне не нужна Ваша пятёрка, Радий Назибович. Ставьте мне неуд и можете ехать, куда угодно, а я остаюсь. Остаюсь и в аудитории, и в дураках, и в обречённой, как Вы сказали, стране. Остаюсь, потому что люблю Родина... – Левандовский замялся, потому что хотел сказать «Родину», но застеснялся, а ещё каким-то инстинктом почувствовал, что это слово слишком интимное, чтобы озвучить его при перебежчике, что он ещё много лет будет не достоин произнести его вслух, что при бросовом употреблении рукой подать до написания этого слова с маленькой буквы, что над ним, Левандовским, неизбежны насмешки, пока он своими делами не завоюет себе право говорить «об этом», что в такое время, когда многие вечные понятия обесценились, людей нельзя заставить полюбить Отечество просто так, а только через Человека Отечества, поэтому и решил остановиться на нейтральном понятии: «Пельмени! Да, потому что я люблю пельмени. Чё вылупились?... Без комментариев!»

– А Вы, студент? – взволнованно спросил преподаватель у Волоколамова.

– Я терпеть не могу пельмени, но предпочитаю не любить их в том месте, где происходит лепка. Знаете, в последнее время они состоят из одного теста, а вот с мясной начинкой – напруг. Скажу вам по секрету, что и мясо-то не стопроцентное, свинину непременно с соей перемешают. В пользу сои, конечно, а не мяса; так себе вкус. Когда вырасту, стану лепщиком пельменей. – Взгляды Волоколамова и Левандовского пересеклись. – И не надо так на меня смотреть, Лёха. Не надо. Я же не врагом народа собираюсь стать, а безобидным лепщиком пельменей, которые ты так любишь. Труд – рутинный, но почётный. Простите, что мудрствую лукаво.

– Гнилой базар развели, – развалившись на стуле и скрестив руки на груди, пробасил Молотобойцев. – Пусть катится на все четыре стороны, никто не держит. Я остаюсь, потому что остаюсь, как Портос дрался, потому что дрался. Баба – с возу, кобыле – легче. Баню, солёные огурцы и Сан Сергеича Пушкина, чай, не заберёт с собой, поэтому – скатертью дорога! Пусть подавится своей пятёркой... Я всё сказал.

– Пельменям и гамбургерам предпочитаю сексуальные отечественные бублики. Они такие круглые, такие нежные и гладкие, что не передать. Их можно грызть, лизать, медленно погружать в горячее лоно чая, а также тыкать в дырку мизинчиком, – перегнав чупа-чупс из левой щеки в правую, с эротической интонацией сказал Бочкарёв и поднял руки вверх, как будто собрался сдать в плен. – Всё! Не буду, не буду, не буду! Я имею ввиду совсем не то, совсем не то... Что имею, то и введу – вот что я имею... Всё! Не буду, не буду, не буду!..

– А зачем куда-то уезжать?! Это лишнее, это не надо! – перебив Бочкарёва, встрепенулся Мальчишка. – Мы уже в Америке! Она пробралась, она в нас! Она в нас хлынула и думала, что всё просчитала, а мы её по-своему переиначим и в лучшем виде в неё саму же и переправим! В лучшем виде назад вернём, какой она себя и забыла, какой и не знала!.. Не понимаете меня? Опять не понимаете?.. Давайте уже понимайте, а то я устал. Просто же всё! Здорово, что к нам все хлынули. Я не боюсь! За убытками прибыли пойдут – вот! Мы одновременно являемся и фильтрами, и накопителями! Чужой и даже чуждой энергии – вот вам! Универсальными!.. Вы же не из-за денег туда, Радий Назибович? Нет, нет, Вы туда за поддержкой и условиями. Зря, зря! Они Вас всем обеспечат, а главное отнимут. Вы здесь от боли своей устали, а там по мукам своим тосковать станете. Не по радостям, а по мукам своим!.. Кстати, а где шельма Магуров?

– Я здесь, – появился в дверях Яша. – Я ненадолго отлучился. Желудок подвело, бегал в столовку перехватить... Радий Назибович, Вы мне ещё не выставили оценку? – Студенты улыбнулись: Левандовский – ехидно, Волоколамов – грустно, Молотобойцев – презрительно, Женечкин – добродушно, Бочкарёв – глазами. – Тройка меня устроит. Как говорится, не нашим, не вашим.

Преподаватель был в ужасе и даже не имел сил скрыть это. Он стал во фронт и с достоинством поклонился ребятам со словами:

– Приветствую героев новейшего времени.

– О чём это Вы? – спросил Вовка.

– Поймёте в свой час, юноша. Почему вы не смеётесь надо моими словами и дурацким поклоном? Смейтесь же, мне будет легче. Смейтесь же, иначе я не выдержу, потому что, потому что...

– Не смейте продолжать! Ни слова больше! Я Вам запрещаю! – крикнул Мальчишка и одарил преподавателя таким взглядом, что у того всё похолодело внутри. – Пацаны, зачётки на стол. Все – на выход.

– Да-да, конечно. Вы правы, молодой человек. Простите, Вам ведь виднее. Пожалуйста, простите, – пробормотал в конец растерянный преподаватель.

Когда парни покинули аудиторию, Женечкин плотно прикрыл за ними дверь и упавшим голосом произнёс:

– Вы уверены?

– Да.

– Шансы избежать, уклониться, обойти, понаблюдать просто со стороны – есть?

– Никаких.

– А на благополучный исход?

– Самые призрачные. Один процент из ста.

– Скольких не досчитаемся на конце?.. Не лгать.

Радий Назибович отрицательно покачал головой.

– Понятно... Наша самая сильная сторона на вскидку.
– Непредсказуемость... Ни одному смертному не будет дано предугадать ваш следующий шаг.

– Не навредим?

– Только себе, кажется.

– Мне пора. Будем считать, что экзамен состоялся. Меченым выставьте по «четвёрке», остальным – «отлы», как обещали. Запишите наши фамилии: Магуров, Бочкарёв, Левандовский, Волоколамов, Молотобойцев и Женечкин.

– Но почему вам по «четвёрке»?

– Кому больше дано – с того больше спрашивается. Ещё вопросы?

– Мне уезжать?

– Нет. Когда всё начнётся, мы должны знать, что в городе есть хотя бы один человек, который будет понимать, что происходит. Вмешиваться в события Вам и людям, подобным Вам, запрещаю, иначе всё испортите. До свидания... И никому про нас ни слова.

Женечкин нашёл друзей на крыльце института.

– О чём базарили, Вовка? – спросил Магуров. – У меня нехорошее предчувствие.

– Сам не знаю. Он гнал, и я гнал. Мистика и гон, гон и мистика, а в результате у нас – по четвёрке.

– Вы с Арамисом друг друга стоите, ничего удивительного, – заметил Левандовский. – Только мне тоже как-то не по себе, да и Яшка тут ещё. Его редко чутьё подводит. – Алексей посмотрел на ребят и увидел, что они взволнованы, но ни за какие деньги не станут говорить о том, что их сейчас мучит, чтобы не накликать беду. – Проехали, пацаны. Кажется, несостоявшийся экзамен на самом деле чересчур состоялся. А теперь обо всём забыли.

– Забыли – так забыли, – сказал Волоколамов. – Подведём неутешительные итоги прошедшей сессии. Прорвались мы через неё чудом, а вон Артём с Мальчишкой – так те вообще с долгами. Подходы к учёбе надо менять, иначе отчислят.

Весь день после экзамена Радий Назибович был сам не свой. Вечером он сообщил некоторым коллегам по институту о своём открытии. Реакция преподавателей была однозначной:

– Как! Не может этого быть, ведь никаких предпосылок, ведь в своё время сами пытались, но не смогли. Потом хотели других воспитать, но всё тщетно. Тут какая-то ошибка, недоразумение.

– Не верю, коллега. Я внимательно наблюдала за первым курсом, со многими беседовала, прощупывала. У них каша в голове. Балласт. Ни ума, ни сердца!

– Самообман, Радий Назибович. Выпейте чайку и ложитесь-ка лучше спать. Утро вечера мудренее.

– Сколько, сколько?... Шесть человек?... Не один, не два и не пять что ли? Не великолепная семёрка, не святая троица, не двенадцать апостолов, не двадцать шесть бакинских комиссаров хотя бы, а заурядная шестёрка что ли?... Почему не называете фамилий?... Как нельзя?... Кто запретил? Они запретили?... Я смеюсь? Что Вы, что Вы. Смеюсь – это мягко сказано, меня сейчас просто в клочья разнесёт. При всём уважении, которое я к Вам питаю, Вы – сумасшедший... Они Вас уже строят, это уморительно... Да не горячитесь Вы. Что значит: имеют право?

– Ты себе надумал, дружище. Это всё нервное перенапряжение. Они над тобой посмеялись... Ах, это они сквозь слёзы смеялись! Как трогательно... Передаёшь их мне по наследству, значит... Ты, значит, их выявил, а я теперь работай. Ни тебе, Сергей Анатольевич, фамилий, а сам, мол, догадывайся во втором семестре, где – они, а где – не они. Спасибо, удружил.

Все телефонные разговоры Радий Назибович заканчивал одинаково:

– Вы есть неверующий Фома, Такой-то Такойтович. Мне Вас жаль. Я плююсь в трубку и прерываю с Вами дружбу. Потом опомнитесь, придёте ко мне с повинной, а я скажу Вам со своей гордой высоты: «Не знаю Вас, господин».

Напоследок Арамис решил позвонить ректору, Ларисе Петровне Орешкиной; о своём решении он не пожалел.

– Вы уверены, Радий Назибович?

– Говорю же Вам, что сегодня я их видел своими собственными глазами.

– Какие они из себя?.. Коммунисты есть?

– Право, не знаю.

– Подумайте, подумайте... Политические убеждения, моральные принципы...

– Ну, право, Вы ставите меня в тупик. Всякие есть. Мне пока не совсем понятно, что может связывать таких разных людей, но не вызывает сомнения, что они – друзья. Ребята, как мне кажется, идеально адаптированы под эпоху. Такие же, как все, и в то же время отличаются от своих сверстников. Все шесть – лидеры; если говорить образно, то одни – военного толка, другие – дипломатического. В общем, странный секстет. Думается, что для них не будет безвыходных ситуаций, потому что они хоть и разные, а играют в одной команде; когда один выстрелит и откровенно промажет, то другой в эту же, прямо в эту же самую секунду попадёт в яблочко. Странно и страшно – да?

Глава 8

Когда Арамис беседовал по телефону, в общежитии «Надежда» студенты праздновали окончание сессии. В комнату отдыха, которая занимала половину первого этажа, набилось человек пятьдесят полупьяных ребят. Студенты, разбившись на группы по 10—15 человек, травили свежие анекдоты, делились друг с другом последними новостями, обсуждали прошедшие экзамены и рассказывали смешные истории из студенческой жизни.

– ... ей-богу, не лгу с этой проклятой Тамарой Павловной. Она ко мне подкатывает, а я ей: «Не смешиваю учёбу с личной жизнью». Вот так прямо и сказал, – уже успел наврать с три короба в одном из стихийно образованных кружков Бочкарёв. – Вот с места не сойти, если обманываю... Или вот ещё казус. Наш Арамис, Химический Элемент Назибович в свободное от работы время бутылки по мусорным бакам собирает. Своими глазами видел. – Увидев, что ему не верят, Артём ввёл подробности. – Я сам в шоке был. Думал, бомж какой-то, а присмотрелся – философ. Лицо опухшее, куртка на спине в двух местах прорвана, на ногах – стоптанные «аляски». Только на голове новая кожаная кепка на меху; знать, бережёт мозги-то от переохлаждения, боится застудить извилины, чтобы Аристотель в них ангиной не заболел. Вот так вот роется своей палочкой в поисках чебурашковой тары, а вечером отмоется, надушится и новым рублём в аудиторию – шашь. – Насладившись гомерическим хохотом, Бочкарёв для пущей правдивости стал на сторону преподавателя. – Вот вы ржёте, а меж тем у человека, может, философия такая. Бомж – олицетворение свободы на земле. Никаких обязательств, думок о будущем, как у зверушек и птичек. Покушать нашёл – радость, в ментовку не попал – радость. Выпить удалось, найти, где переночевать – счастье. Счастье ведь не бывает маленьким или большим, не измеряется в тоннах или миллионах. Оно либо есть, либо его нет. Вся фишка в запросах. – Бочкарёв неожиданно для всех сник. – За скачущим воробышком полюби наблюдать, за работающим муравьём, и такие горизонты откроются, что и не передать словами. Вроде как досрочно в рай попадёшь.

Ещё перед одной группой студентов Женечкин показывал миниатюры. Ему ассистировал Магуров. Дамы были в восторге от пипеточной Моськи, лаявшей на слона. Парни хохотали над репризой «Серп и молот», потому что роль колхозницы с растрепавшимися косоньками – и где только был раздобыт парик – исполнял упитанный до кровомолочности Яша. Вовка, игравший рабочего, бил Якова Израилевича несуществующим молотом и приговаривал: «Жни, тётка, жни. Не выполняем план, Коба накажет». Когда внимание зрителей стало ослабевать, Женечкин отозвал Магурова в сторону, о чём-то быстро посоветовался с другом и громко возвестил: «Миниатюра последняя. Ленин на броневике».

– Идите сюда!

– Давайте к нам!

– Зачем в сторону отошли?

– Ближе к публике надо! – посыпались возгласы.

На это Вовка голосом вождя мирового пролетариата резонно заметил:

– Товарищи, броневик революции не может передвигаться сам по себе! Его необходимо заправить! Генеральный спонсор заправки – немецкая разведка!.. На карачки, Яков Израилевич!

Выпивший Магуров, не соображаясь с приличиями, встал на четвереньки, обозначая бронированную машину. Владимир Ильич со всей силы зарядил Яше пинком под зад и взвизгнул:

– Горючее в баке! Трогай, политическая проститутка! Мы ещё покажем этой буржуазной дряни, где раки зимуют! Зачатый в моей голове декрет «О мире и земле» уходит в декрет, чтобы скоро родить в ночь не то сына, не то дочь, а Красный Октябрь!

– Больно же... Послабже не мог ударить? – пробубнил Яша.

– Бил по системе Станиславского, чтобы никто не усомнился в реальности происходящего.

Вовка уселся на броневики, запихал большой палец под жилетку, и машина, безбожно сигналив, с крейсерской скоростью устремилась к центру комнаты. Движение стального колосса революции с вождем наверху было замечено. Группы общавшихся между собой студентов стали распадаться. Разговоры стихли. Магуров и Женечкин не успели проехать ещё и половины пути, а их институтские товарищи в ожидании занимательной комедии уже расселись на зелёных креслах, стоявших по периметру помещения.

– Битый небитого везёт, – хихикнув, шепнула миловидная блондинка своей подруге Галочке. – Вот бы ему на лацкан мою брошь прицепить. Было бы потрясно: Ленин с брошью... Какой он всё-таки симпатичный.

– Который? – спросила Галочка.

– Оба, но особенно тот, который наверху, – часто заморгал глазками, ответила блондинка. – Не замечаешь, что венюк ему бы тоже пошёл.

– Терновый, – не удержался от замечания Молотобойцев, сидевший справа от подружек, а про себя подумал: «Чую, неспроста ты всё это затеял, Мальчишка-Кибальчишка. Подписать нас под какой-то фигнёй хочешь, столкнуть в пропасть, из которой потом не выбраться». – Он стал озираться в поисках остальных друзей.

Первым Молотобойцев увидел Волоколамова. Леонид был бледный как мел. Двадцать минут назад он по всем пунктам разбил двух третьекурсников, утверждавших, что западная демократия нам не подходит. Волоколамов с убийственной логикой доказал обратное, но удовлетворения от победы не чувствовал. Несмотря на то, что ребята соглашались с его выводами, в конце спора они всё-таки ядовито бросили ему в лицо: «Всё так, да не так». Волоколамов с теплом смотрел на Вовку. Этот человек, которому удалось оседлать даже хитрого Яшу, был ему ближе всех друзей. Вовка, Вовка, и Леониду вспомнилось, как однажды на семинаре по «Истории экономических учений» он хвалил Адама Смита, на что Левандовский со злобой произнёс:

– Ты – западник, Лёня. Ты – опасный человек, ведь любишь не их джинсы и машины, а идеологию. Лучше эмигрируй. По-хорошему прошу.

Тогда Вовка, который, как всем казалось, всю пару витал в кучевых облаках, рисуя на листке перистые, вступился:

– Лёха, ты гонишь. Лёнька – свой! Он же среди наших полей и церквей вырос! Пусть и в городе, но поля и церкви рядом были. Ой-ой-ой, сейчас ведь опять не поймёте меня, опять станете говорить, что я чепуху понёс. Как же мучительно тяжело с вами. – Вовка закрыл лицо руками, отклонился назад и быстро-быстро замотал головой, как это делают дети, когда их что-то сильно напугает. – Лёха, ну как же, ну за что же ты постоянно Лёньку травмишь. Ведь он от чистого сердца об Адаме Смите, ведь ему же никто не заплатит за то, что он о шотландском экономисте вот так вот. Просто Лёнька наши подходы справедливо и несправедливо ругает, западные взгляды – справедливо и несправедливо возвышает... Ты вот, Лёха, Россию хвалишь, Запад же категорически отвергаешь, а так нельзя, так до национализма скатишься. Ты вообще в наше время тип редкий. Ты – настоящий славянофил, потому что художественную литературу, православие и нашу самобытную историю любишь и знаешь. Сейчас малограмотных и необразованных фашистов – пруд пруди, а славянофилов почти нет. Когда от других лучше брать научимся, первую половинку себя найдём. Только даже с передовыми западными принципами избирательно надо; ты здесь Лёньке подмогой должен стать. Сверяясь с многовековой историей, укладом и традициями, перепроверять то, что он безоглядно брать начнёт... И самим отдавать. Это обязательно, что самим тоже. Вот она твоя роль, Лёха. Тебе проще, чем Лёньке, потому что отдавать у нас в крови; и ты прекрасно знаешь, чем мы можем поде-

литься. Отдавать, Лёха, если за особый русский путь выступаешь. Так вторую половинку себя найдём. Лёнька берёт лучшее, ты отдаёшь лучшее; Лёнька берёт у Европы и Америки мудрость холодного западного ума, ты отдаёшь Европе и Америке мудрость горячего русского сердца. Так в полном объёме Путь получится. – Вовка вскочил со стула. – Вы же одного поля ягоды, только Лёнька – кислица или там брусника, а ты, Лёха, – приторная малина. Варенье бы из вас обоих сварить. Кисло-сладкое с горчинкой, чтобы зимой лечиться, чтобы вкусно и полезно было. Сейчас ведь зима, люди болеют, а вы, – Вовка махнул рукой, – вы в одну банку лезть не хотите... Ну вас, только в охотку и хавать. Поймите, что нам сейчас все нужны, кроме равнодушных и сволочей. Если вы будете с Лёнькой по раздельности, то оба – враги России.

Никто тогда не понял Женечкина...

Мальчишка благополучно доехал до центра комнаты и скомандовал:

– Тпру-у-у, родной! Речь толкать буду.

Студенты покатывались со смеху. Пошли выкрики:

– Бомби, Вован!

– Яшку не раздави!

– Флаг ему в руки!.. Нет – я реально! Вон – в углу с совковских времён стоит!

– Давай, Володя! Имя у тебя подходящее! Тот – Ленин! Ты – Женин!.. Даже Женечкин!

– Люда – молодец! Он уже с флагом! Реквизит, блин!

– Флаг – красный, а сам – белый! Ха-ха! Чё бледный такой? Взбледнулось?

– Вся власть – Советам!

– Долой Советы!.. Царя!

– Бориску на царство?! Повинен смерти! За смуту – на кол!

Подняв руку, Мальчишка призвал всех к тишине. У него было трагическое выражение лица, потому что актёр комедийного жанра не может позволить себе даже улыбку, если она, конечно, не предполагается ролью. Роль Владимира Ильича Ленина в Отечественной истории улыбок не предполагала, и лицедею Вовке это было известно.

– Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты, матросы и студенты! – обратился Женечкин к присутствующим, и голос его дрогнул. – Россия во льду! Нет, не в огне, а именно во льду! Ледниковый период, товарищи! Часть людей – заморожена, другая часть – отморожена! – Следующие пять предложений потонули в хохоте. – ...ётесь? А я плакать хочу! Не за горами то время, когда на контакт с нами выйдут внеземные цивилизации, а мы, мы... Как мы их примем? Я очень волнуюсь, потому что не знаю «как». Что мы им покажем?.. Только бы не боеголовки! Вот только ядерное оружие им предъявим, и они улетят! Ключ на старт – и в космос открытый сразу! – Мальчишка замолчал, чтобы сделать для себя какие-то выводы. – Точно, точно! Быстрей сказать, а то эта мысль выветрится или заслонится более обдуманной, но менее верной. Им только нравственность наша нужна – вот! Чтоб как братья были! Тогда примут нас в Содружество Вселенной и помогут, продвинут нас и в технике, и во всём, во всём продвинут!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.